

Л.5
Дат. 24.02.26
Подп. *Г*

Дальневосточный филиал федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра юриспруденции

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Магистрант **Абрамова Евгения Анатольевна**

Тема: **Иск как универсальное процессуальное средство защиты
предпринимателей в период правовых и государственных трансформаций**

по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция»

(уровень магистратуры)

направленность (профиль) «Предпринимательское, коммерческое право»

Научный руководитель:
канд. юрид. наук,
доцент кафедры юриспруденции Галиев
Михаил Сергеевич

Дата защиты: 24 феврал 2026

Оценка: хорошо

ПРОВЕРЕНО	
НА УРОВЕНЬ ОРИГИНАЛЬНОСТИ	
Кафедра	<u>юриспруденции</u>
Научный руководитель	<u>Галиев М.С.</u>
(подпись)	
« <u>24</u> »	<u>02</u> 20 <u>26</u> г.

г. Петропавловск-Камчатский

2026 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Теоретико-методологические основы иска как процессуального средства защиты	8
1.1. Историко-правовой аспект становления и развития института иска.....	8
1.2. Гносеологические и онтологические основы иска как процессуального средства защиты.....	11
2. Правоприменительный аспект иска в государственном и правовом пространстве.....	17
2.1. Иск как правовая модель защиты государственно-правового пространства	20
2.2. Элементы иска и их значение для правоприменения	22
3. Правовые проблемы трансформация института иска в условиях модернизации правовой системы.....	30
3.1 Цифровизация правосудия и её влияние на институт иска.....	30
3.2 Правовые патологии института иска в условиях правовых и государственных трансформаций	37
3.3 Механизм совершенствования иска как универсального процессуального средства защиты.....	47
Заключение.....	65
Список использованных источников.....	71
Приложения.....	80

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в период правовых и государственных трансформаций именно исковая форма остаётся базовым и наиболее востребованным механизмом реализации конституционного права на судебную защиту участников предпринимательской и коммерческой деятельности. Обновление процессуального законодательства, развитие административного судопроизводства, цифровизация правосудия и усложнение структуры споров (включая публично-правовые и массовые требования) усиливают нагрузку на суды и одновременно выявляют уязвимости искового механизма: неоднородность правоприменения, формализм на стадии принятия заявлений, злоупотребления процессуальными правами, проблемы подсудности и идентификации участников в цифровой среде, а также дисбаланс процессуальных возможностей в спорах с публичной властью. В этих условиях возрастает потребность в теоретически выверенном и практикоориентированном осмыслении иска как универсального средства защиты, уточнении его содержания и элементов, а также в разработке мер, обеспечивающих правовую определённость, доступность правосудия и процессуальную справедливость. Исследование позволяет оценить устойчивость исковой конструкции к изменению правовых парадигм и предложить направления её совершенствования с учётом современных вызовов.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере судебной защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота и публично-правовых отношений в периоды значительных правовых и государственных преобразований.

Предметом исследования являются правовые нормы, доктринальные положения и правоприменительная практика применения, непосредственно регулирующие и характеризующие иск как универсальное процессуальное средство защиты права в указанных условиях трансформации.

Цель исследования заключается в анализе института иска как универсального процессуального средства защиты прав в период правовых и государственных трансформаций, а также в выработке научно обоснованных предложений по повышению эффективности исковой формы защиты в современных условиях.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- исследовать историко-правовой аспект иска;
- рассмотреть гносеологические и онтологические основы иска как процессуального средства защиты;
- рассмотреть иск как правовую модель защиты государственно-правового пространства;
- изучить элементы иска и их значение для правоприменения;
- рассмотреть цифровизацию правосудия;
- проанализировать актуальные проблемы института иска в условиях модернизации правовой системы;
- разработать предложения по совершенствованию иска как универсального процессуального средства защиты.

Методы исследования. Методологическую основу данного исследования составил комплекс общенаучных и специальных методов познания, традиционно используемых в юридических исследованиях, с опорой на принципы объективности, всесторонности и системности анализа: диалектико-материалистический; системный; формально-юридический; историко-правовой метод; сравнительно-правовой; метод анализа и синтеза научных концепций; социологический (эмпирический) метод.

Теоретическую основу выпускной квалификационной работы составляют труды ученых, сферы научных интересов которых так или иначе касались темы исследования. База научной литературы по теме исследования весьма обширна. В работе проанализированы труды правоведов, посвященные как общей теории искового производства, так и отдельным специальным вопросам. В их числе

Е.В. Васьковский, М.П. Шахматав, М.А. Гурвич, К.С. Юдельсон, А.А. Добровольский, В.В. Ярков, И.В. Решетникова, О.В. Исаенкова, С.А. Курылёв, А.Н. Жуйков, Г.О. Аболонин, Н.С. Батаева, Я.В. Бакарджиева и др.

Нормативную базу исследования составили действующие нормативные правовые акты, регулирующие тему исследования.

Научная новизна данного исследования обусловлена новым вектором анализа традиционного института иска – через призму его функционирования в условиях современных трансформаций права и государства. Научная новизна проявляется как в самой постановке проблемы – рассмотрение иска в качестве универсального процессуального инструмента защиты прав в эпоху кардинальных правовых реформ – так и в предлагаемых путях ее решения. Исследование вносит вклад в развитие научных представлений об иске, дополняя и уточняя существующие доктринальные подходы.

Проведенное исследование позволило обосновать и вынести на защиту следующие положения:

В период правовых и государственных трансформаций иск сохраняет значение универсального процессуального средства судебной защиты, однако его эффективность в правоприменении снижается вследствие дефинитивной неопределённости: в действующих процессуальных кодексах отсутствует легальное определение иска (административного иска) и нормативное закрепление его структурных элементов, при том, что категории «предмет», «основание», «стороны» активно используются для решения вопросов тождества требований, пределов рассмотрения и допустимости изменения иска. В целях устранения указанной неопределённости обоснована необходимость системного закрепления понятия и элементов иска в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ (путём введения специальных дефинитивных статей и унификации понятийного аппарата с учётом особенностей соответствующих видов судопроизводства).

Цифровизация правосудия трансформирует порядок реализации права на иск и одновременно формирует новые риски ограничения судебной защиты:

зависимость доступа к суду от устойчивости официальных электронных сервисов и цифровую асимметрию возможностей участников процесса. В этих условиях доказана необходимость закрепления в процессуальном законодательстве гарантий равного доступа к правосудию: признания технической недоступности официальных электронных каналов уважительной причиной пропуска процессуальных сроков при подтверждении периода сбоя; запрета неблагоприятных процессуальных последствий вследствие невозможности использования электронных сервисов; а также унификации подходов к электронным доказательствам и фиксации цифрового следа процессуальных действий (включая подтверждения подачи документов и данных идентификации участников).

Выявленные правовые патологии современного функционирования исковой формы (злоупотребление правом на иск и процессуальными правами, чрезмерный формализм на стадии принятия заявлений, процессуальная асимметрия в спорах с публичной властью, затруднения возбуждения дела при неизвестности места жительства (нахождения) ответчика) требуют комплексного механизма совершенствования: усиления антиабузных инструментов (включая прямой запрет злоупотребления процессуальными правами и действенные последствия, в том числе через распределение судебных расходов и уточнение правил о встречном иске); нормативного ограничения формализма при оставлении заявления без движения критерием «существенности» недостатков; введения процессуальных гарантий, исключающих получение публичным субъектом преимуществ из ранее установленного незаконного поведения; а также закрепления резервных правил подсудности и порядка направления копий документов при объективной невозможности установления адреса ответчика.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные выводы и предложения ориентированы на повышение эффективности исковой формы судебной защиты в условиях обновления законодательства и правоприменительной практики. Результаты

могут быть использованы в нормотворческой деятельности при совершенствовании ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, в том числе для уточнения понятийного аппарата (иск, право на иск, элементы иска) и оптимизации процедур защиты прав. Проблемная ситуация исследования обусловлена сохраняющейся теоретической неопределённостью понятия иска и пределов его универсальности, а также практической несоразмерностью отдельных процессуальных механизмов динамике современных общественных отношений и институциональных преобразований. Это требует выработки единых и устойчивых стандартов судебной защиты при трансформации судебной системы и процессуального регулирования. Несмотря на значительный объём доктринальных разработок по институту иска, ряд ключевых вопросов остаётся дискуссионным, что подтверждает необходимость дальнейшего комплексного исследования темы.

Апробация результатов научного исследования. Теоретические положения выпускной квалификационной работы нашли свое отражение в двух научных публикациях, в том числе в рецензируемых изданиях, в таких как:

1. Абрамова Е.А. К вопросу о цифровой трансформации правосудия (теоретико-правовой аспект) // Дни российской науки: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2025. – С. 175-178;

2. Абрамова Е.А. Средства правовой защиты в государственной действительности // Научный потенциал 2025: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса (20 октября 2025г.). – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2025. – С. 43-49.

Структура выпускной квалификационной работы состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСКА КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ

1.1. Историко-правовой аспект становления и развития института иска

Институт иска берёт свое начало в римском праве, где складывались базовые представления о судебной защите нарушенных прав. Уже в Дигестах Юстиниана содержится определение иска: «иск есть не что иное, как право лица осуществлять в судебном порядке принадлежащее ему требование»¹. Рецепция римского права в Европе обеспечила сохранение и развитие этих идей. В постреволюционной Франции институт иска получил свое развитие в рамках кодификации, заложенной Наполеоном. «Code Napoleon» (Гражданский кодекс 1804 г.) и особенно «Code de procedure civile 1806 г.», закрепили современные на тот момент представления о судебном иске. Во французском праве утвердилась концепция «l'action en justice» как фундаментального права – возможности каждого обратиться в суд для защиты своего притязания. Российский Устав гражданского судопроизводства 1864 г. создавался именно по образцу французского «Code de procedure civile» – лучшие достижения французского процессуального права были восприняты при его разработке.

В российском праве дореволюционного периода институт иска прошёл путь от заимствованных понятий к самостоятельной доктрине. Ещё дореформенное право Российской империи знало термин «иск», однако процессуальные формы оставались устаревшими и запутанными. Решающий шаг был сделан в ходе Судебной реформы 1864 года. Устав гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 г. стал первым отечественным гражданско-процессуальным кодексом. Впервые гражданское судопроизводство было отделено от уголовного и оформлено по образцу современных (на тот момент) европейских кодексов. Как отмечал И. Е. Энгельман, данный Устав во многом был выработан «по образцу французского Code de procedure civile», вобрав

¹ Говердовская В.А. История возникновения института иска. Хабаровск, 2023. С. 37.

достижения российской процессуальной науки и зарубежный опыт. Устав 1864 г. утвердил ключевой принцип: гражданские споры подведомственны судам, судебная власть – независима, и иск выступает универсальным средством защиты частного права в суде. В дореволюционной процессуальной науке тема иска занимала центральное место. Представители дореволюционной процессуальной науки посвятили немало трудов анализу понятия и элементам иска¹. К. Д. Кавелин одним из первых дал понятие иска в широком смысле: «всякое требование одного гражданина к другому, основанное на праве и приводимое в исполнение судебной властью»². Таким образом подчёркивалось единство материального содержания требования и процессуальной формы его осуществления. Вместе с тем к началу XX века наметилась дифференциация понятий. В. М. Гордон предложил разграничивать материально-правовое и процессуальное понимание иска³. Он определял иск сугубо процессуально – как обращение к суду за защитой права, исключая из дефиниции указание на обращение истца к ответчику. Соответственно право на иск В. М. Гордон трактовал как право требовать от государства в лице суда вынесения законного и обоснованного решения по спору. Эта научная дискуссия предвосхитила последующее советское развитие института иска.

Для раннесоветской доктрины характерно было подчёркивание публично-правовых начал в гражданском процессе. Так, А.Я. Вышинский открыто заявлял, что в ГПК РСФСР 1923 г. «началу публичному отводится большое место, явно подчиняя начало частное»⁴. Советский иск рассматривался не столько как средство индивидуальной защиты, сколько как инструмент охраны «завоеваний революции» и интересов пролетарского государства. Несмотря на идеологическое своеобразие, ГПК РСФСР 1923 г. закрепил

¹ Усталов С.И. История возникновения и развития исковой формы защиты в Российском законодательстве // Аспирант. 2022. № 2(70). С. 106.

² Кавелин К.Д. Основные начала гражданского судопроизводства и гражданского судопроизводства, в период времени от уложения до учреждения о губерниях. М., 1844. С. 61.

³ Гордон В.М. Иски о признании. Ярославль, 1906; Гордон В.М. Основание иска в составе изменения исковых требований. Ярославль, 1902. С. 87.

⁴ Филонова О.И. Развитие судопроизводства в период нэпа: историко-правовой опыт // Российское правосудие. 2019. № 6. С. 57.

базовые процессуальные институты, в том числе исковое производство.

Радикальные правовые и государственные трансформации начала 1990-х гг. ознаменовали новый этап в развитии института иска в России. Принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года Конституция РФ закрепила в ст. 46 право каждого на судебную защиту прав и свобод. Это конституционное положение напрямую связывает возможность обращения с иском в суд с основополагающими правами человека. В ч.1 ст.46 Конституции РФ установлено, что «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод», а законодатель, развивая данную норму, в ст. 3 ГПК РФ закрепил право заинтересованного лица обратиться в суд за защитой прав, свобод и законных интересов. При этом в большинстве частноправовых споров такая защита реализуется посредством предъявления иска, хотя ГПК РФ предусматривает и иные формы судопроизводства (приказное, особое производство и др. Таким образом, право на предъявление иска теперь вытекает из конституционного права на судебную защиту, что отражает преемственность института иска, но уже в рамках правового государства.

В практическом плане переходный период 1990-х потребовал срочной адаптации процессуального законодательства. Устаревшая процессуальная база (ГПК РСФСР 1964 г.) действовала до 2002 г., но в неё вносились многочисленные изменения, продиктованные новой социально-экономической реальностью¹. Первый Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации был принят 5 марта 1992 г.; затем был принят АПК РФ 1995 г. Выделение арбитражного судопроизводства подчёркивало универсальность иска: теперь и коммерческие споры между хозяйствующими субъектами должны были решаться посредством искового заявления, рассматриваемого независимым судом по правилам, сходным с гражданским процессом. В то же время происходила гуманизация и демократизация судебного процесса в судах общей юрисдикции: расширялась состязательность, вводился институт

¹ Каширский А. Д. История становления гражданского иска // Общество - наука - инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции. Оренбург, 2019. С. 148.

мировых судей и упрощённое производство, обновлялось законодательство об исполнительном производстве. Все эти реформы готовили почву для принятия нового процессуального кодекса.

Кульминацией реформ стал Гражданский процессуальный кодекс РФ 2002 г. (№ 138-ФЗ), вступил в силу 1 февраля 2003 г., заменивший советский ГПК. Законодатели постарались учесть опыт применения прежнего кодекса, сохранив правопреемственность во избежание потрясений в практике. Одновременно были внедрены новые институты: мировые судьи, приказное и заочное производство и др. ГПК РФ 2002 г. закрепил современные принципы процесса – диспозитивность, состязательность, равенство сторон, судебный контроль за соблюдением прав – тем самым укрепив роль иска как гаранта защиты субъективных прав.

Таким образом, историко-правовой анализ показывает, что при изменчивости форм и доктринальных подходов институт иска сохраняет неизменную сущность – универсальное процессуальное средство судебной защиты нарушенного права. В российском правопорядке, адаптируясь к смене государственных и идеологических моделей, иск последовательно остаётся основным механизмом реализации конституционного права на судебную защиту и базовой процедурой разрешения спора по существу в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Сочетание устойчивости функционального назначения и адаптивности к трансформациям правовой системы обеспечивает его сохраняющуюся эффективность

1.2. Гносеологические и онтологические основы иска как процессуального средства защиты

В период масштабных правовых и государственных трансформаций особую актуальность приобретает эффективная судебная защита прав. Иск выступает универсальным процессуальным средством защиты нарушенных прав, обеспечивая возможность цивилизованного разрешения конфликтов. При

этом понятие иска относится к числу наиболее сложных и дискуссионных категорий юридической науки. Еще более века назад процессуалист Е. А. Нефедьев отмечал, что, несмотря на обилие теорий, вопрос о сущности иска остается открытым¹. Это наблюдение не утратило силы и сегодня – современные исследователи продолжают полемику о правовой природе, содержании и роли иска. Для всестороннего понимания данной категории необходимо провести философско-правовой анализ природы иска, рассмотреть его гносеологические (эпистемологические) и онтологические основы, а также проанализировать современные доктринальные подходы.

В судебном процессе иск представляет собой уникальный правовой феномен, где пересекаются три ключевых начала: право, обязанность и справедливость. Во-первых, он опирается на субъективное право истца – требование нарушенное или оспариваемое, которое подлежит защите. Одновременно иск возлагает на ответчика обязанность участвовать в судебном разбирательстве и, в случае удовлетворения иска, исполнить решение суда. Во-вторых, иск реализует принцип справедливости: обращение за судебной защитой призвано восстановить нарушенное право и обеспечить «*suum cuique*» – «каждому свое». В-третьих, судебный процесс, инициируемый подачей иска, выступает институциональной формой разрешения социально-правового конфликта, основанной на законе, а не на самоуправстве.

Гносеологический (эпистемологический) аспект иска предполагает рассмотрение того, каким образом формируется знание о данной правовой категории и какие теоретические подходы существуют к раскрытию ее сущности. В доктрине гражданского процесса сложилось несколько концептуальных подходов к определению сущности иска. Дихотомическая концепция (двойная природа иска), которую развивали такие исследователи, как С. Н. Абрамов, Е. В. Васьковский, М. А. Гурвич и др., исходит из того, что в понятии «иск» следует различать два самостоятельных аспекта – материально-правовой и процессуально-правовой. Иск в процессуальном

¹ Нефедьев Е.А. Учение об иске // Ученые записки Казанского университета. 1895. № 2. С. 78.

смысле представляет собой требование заинтересованного лица к суду о защите субъективного права или охраняемого законом интереса¹. По сути, это право на предъявление требования в суде – то есть процессуальный механизм, запускающий судебную процедуру. Иск в материальном смысле – это притязание истца к ответчику, которое составляет предмет спора. Оно вытекает из нарушенного или оспоренного субъективного права и существует независимо от факта обращения в суд. Таким образом, согласно дихотомической концепции, одно слово «иск» обозначает две взаимосвязанные, но самостоятельные юридические категории: с одной стороны – материальное требование (суть спора), с другой – процессуальное средство его защиты (форма обращения в суд). Ряд исследователей (Н. И. Авдеенко, А. А. Добровольский, Д. М. Чечот, Я. Л. Штутин и др.) предлагают рассматривать иск как единое целостное понятие, в котором неразрывно соединены материально-правовые и процессуально-правовые элементы. В отличие от дихотомической концепции, здесь иск не расщепляется на «два смысла», а понимается как единая правовая категория, объединяющая: содержание нарушенного или оспоренного субъективного права (материальный элемент); форму его судебной защиты (процессуальный элемент)². Таким образом, сторонники данной теории отказываются от искусственного разделения иска на два самостоятельных понятия. Они трактуют его как интегрированное правовое явление, обладающее двумя взаимосвязанными аспектами: внутренним (материальным) – сутью спорного правоотношения; внешним (процессуальным) – порядком его судебного разрешения.

Представители третьего направления категорически отрицают наличие у иска «двойной природы» и признают за ним исключительно процессуальный характер. Согласно позициям таких исследователей, как Г. О. Аболонин, Г. Л. Осокина, В. В. Ярков, К. С. Юдельсон, В. Н. Щеглов и др., иск является чисто

¹ Скобелев В.П. К вопросу о сущности иска в гражданском процессе. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/h86fhZ> (дата обращения: 25.12.2025).

² Иск в гражданском судопроизводстве: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. М., 2022. С. 45.

процессуальным институтом¹. Это означает, что он представляет собой только обращение (требование) к суду о защите права или законного интереса и не содержит самостоятельного материально-правового содержания. Материальное правоотношение остаётся за пределами понятия иска. Ключевое обоснование такого подхода заключается в следующем. Иск целиком принадлежит сфере гражданского процесса и не может иметь «второй стороны» помимо процессуальной. Если бы иск являлся материально-правовым притязанием, истечение срока исковой давности должно было бы автоматически препятствовать подаче иска (поскольку само притязание считалось бы погашенным). Однако на практике истечение срока давности не блокирует подачу иска; суд обязан принять заявление к производству; срок давности даёт ответчику лишь право на возражение, но не исключает рассмотрения дела по существу. Данный аргумент подтверждает тезис о том, что в онтологическом плане иск – исключительно процессуальная категория, отделимая от материальных требований. С эпистемологической точки зрения, различие упомянутых концепций свидетельствует о сложности познания природы иска.

Онтологические основы иска подразумевают изучение того, что собой представляет иск в бытие права, какова его природа и место в системе правовых явлений. С онтологической точки зрения иск – это не просто абстрактное понятие, а реально функционирующий правовой институт, признанный законодательством и судебной практикой. Так, в национальных процессуальных кодексах (ГПК РФ, АПК РФ) закреплены нормы об иске, его предъявлении, изменении, обеспечении, отказе от иска и др., что свидетельствует о его институциональном статусе в системе права. Институт иска пронизывает все отрасли юрисдикционного правоприменения: от гражданского судопроизводства до арбитражного и административного процесса, а в особом порядке – даже в уголовном процессе (гражданский иск).

Онтологический анализ подразумевает рассмотрение соотношения сущности и формы, природы и проявления иска. Сущностное содержание иска

¹ Яриков В.В. Гражданский процесс: учебное пособие. М., 2021. С. 55.

– это требование о защите права, обращенное к государству в лице суда. Данное требование вытекает из определенного материального правоотношения (например, из договора, деликта, административного акта и т.д.), то есть обусловлено материальной природой спорного права. Однако проявляется иск в специфической процессуальной форме – в виде искового заявления, официально подаваемого в суд, и последующего судебного процесса по установленным правилам. В зависимости от доктринального подхода, приоритет может отдаваться либо материальной, либо процессуальной стороне, но в объективной юридической реальности присутствуют оба элемента. Даже сторонники чисто процессуальной концепции не отрицают, что без нарушенного права или охраняемого интереса не возникает и самого иска: спор предшествует иску и придает ему содержательный смысл. С другой стороны, само субъективное право часто не может быть реализовано без процессуальной формы – без обращения в суд оно остается декларацией. Следовательно, онтология иска заключается в его роли связующего звена между материальным правом и процессуальным механизмом защиты: иск упорядочивает материальное притязание, переводя его в плоскость судебного разбирательства, и тем самым материализует абстрактное право в конкретное судебное дело.

Важно подчеркнуть, что иск образует специфическое исковое правоотношение – сложную юридическую связь между тремя субъектами¹: истцом, ответчиком и судом. С момента принятия искового заявления к производству возникает процессуальное правоотношение, в рамках которого: истец обладает правом требовать судебной защиты и распоряжаться иском (отказаться, изменить, заключить мировое соглашение), ответчик несет обязанность претерпевать процесс и имеет право на защиту от иска, а суд уполномочен рассмотреть спор и вынести решение. Таким образом, онтологически иск существует не в одиночку, а в структуре триадного отношения «истец – ответчик – суд», где каждый элемент наделен

¹ Шевченко К. А. Иск как универсальное средство защиты гражданских прав // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Краснодар, 2021. С. 533

определенным юридическим статусом. Это придает иску характер институциональной «реальности»: он не только понятие, но и реально действующий механизм, запускающий и определяющий ход правоприменительного процесса. Обобщая онтологический анализ, можно констатировать – иск предстает как сложное правовое явление, соединяющее идеальное и реальное, сущность и форму. Его природа двуедина: он укоренен в материальном праве, но реализуется в процессуальной плоскости. Институционально иск служит центральным звеном механизма правосудия, обеспечивая воплощение абстрактных прав в плоскости конкретных судебных решений. В периоды смены правовых парадигм, реформ законодательства и государственных перемен иск сохраняет свою фундаментальную онтологическую роль – быть универсальным проводником правовой защиты, через который новое право утверждается в практическом правоприменении.

Таким образом, иск представляет собой универсальное средство судебной защиты, в котором сопряжены материально-правовое содержание и процессуальная форма. Проведённый анализ подтверждает: при многообразии доктринальных интерпретаций неизменными остаются институциональные свойства иска – он запускает судебное рассмотрение, определяет пределы спора и обеспечивает достижение судебной защиты через решение суда. Тем самым иск выступает ключевым связующим механизмом между субъективным правом и правосудием, обеспечивая реализацию конституционного принципа судебной защиты. Выявление гносеологических и онтологических оснований данной категории формирует методологическую базу для дальнейшего анализа проблем исковой формы защиты в последующих главах.

2. ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСКА В ГОСУДАРСТВЕННОМ И ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

2.1. Иск как правовая модель защиты государственно-правового пространства

Обеспечение баланса публичных и частных интересов в правосудии является необходимым условием правового государства. Под публичными интересами понимаются охраняемые правом интересы общества и публично-правовых образований; государственный и муниципальный интерес выступают их разновидностями и определяют, в чью пользу осуществляется судебная защита. В настоящем исследовании «государственно-правовое пространство» обозначает единое правовое поле функционирования публичной власти и правопорядка на территории государства; его охрана предполагает правовую реакцию на нарушения, затрагивающие законность, безопасность, экологию, бюджет и иные публичные блага. Исковая форма позволяет процессуализировать публичный интерес в виде проверяемого судом требования; при обращении прокурора материальным носителем интереса является соответствующее публично-правовое образование либо неопределённый круг лиц, а прокурор выступает процессуальным заявителем¹.

Исковая (в том числе административно-исковая) форма применяется и для охраны публичных интересов: инициаторами обращения в суд выступают прокурор и иные субъекты публичных полномочий, действующие в интересах государства, муниципалитета либо неопределённого круга лиц. Статья 45 ГПК РФ предоставляет прокурору право обращения в суд в указанных случаях; в административном судопроизводстве используется конструкция «административного искового заявления». В работе термин «прокурорский иск» употребляется как условное обозначение такого обращения в суд.

¹ Прокурорские иски: кто материальный истец? [Электронный ресурс] / PG Partners. URL: <https://goo.su/6OhytX> (дата обращения: 25.12.2025).

Процессуально прокурор реализует права и обязанности истца с установленными законом исключениями (в частности, без права заключения мирового соглашения), действуя без собственного материального интереса¹.

При рассмотрении дела по заявлению прокурора необходимо разграничивать процессуального и материального истца: прокурор инициирует процесс, однако носителем спорного права (интереса) выступает соответствующий орган или лицо, в пользу которого заявлено требование. В связи с этим суд привлекает к участию уполномоченный государственный (муниципальный) орган, представляющий публично-правовое образование; отсутствие такого участника при наличии обязанности его привлечь рассматривается как существенное процессуальное нарушение². Резолютивная часть решения формулируется в пользу (или в доход) соответствующего публично-правового образования, что подчёркивает инструментальный характер участия прокурора³. Защита публичных интересов не исчерпывается деятельностью прокуратуры: органы государственной власти, контрольные службы и органы местного самоуправления вправе обращаться в суд в пределах компетенции, в том числе с требованиями о пресечении нарушений публичного порядка и безопасности, о сносе самовольных построек, о взыскании ущерба бюджету и т.п. Судебная практика подтверждает допустимость таких требований при наличии публично-правовой цели и полномочий заявителя, что позволяет рассматривать соответствующий орган власти как материального истца в защите публичного блага на соответствующей территории⁴.

В системе судебной защиты публичных интересов выделяются три

¹ Лавриненков С.А. Формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Альманах современной науки и образования. 2011. № 2 (45). С. 129.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2024 № 18-КГ24-201-К4 // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/yyLP5> (дата обращения: 25.12.2025); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2022 № 78-КГ22-12-К3 // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/Bvgqrg> (дата обращения: 25.12.2025); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2024 № 18-КГ24-126-К4 // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/Dzgvp> (дата обращения: 25.12.2025).

³ Смагина Е.С. Участие государства в современном цивилистическом процессе: монография. М. 2021. С. 25.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.12.2017 № 305-ЭС17-14046 по делу № А40-115948/2016// Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/LOVeB> (дата обращения: 25.12.2025).

группы субъектов: (1) прокуратура, инициирующая дела при наличии оснований прокурорского вмешательства; (2) специализированные органы контроля (налоговые, антимонопольные, природоохранные и др.), уполномоченные предъявлять требования в профильной сфере; (3) органы государственной власти и местного самоуправления как носители прав и обязанностей публично-правовых образований. При этом обращение прокурора не должно подменять деятельность компетентных органов (п. 2 ст. 26 Закона № 2202-1¹), а суды оценивают как наличие оснований прокурорского вмешательства, так и надлежащий субъектный состав заявленного требования². Данная конструкция ориентирована на то, чтобы публичный интерес защищался субъектом, ответственным за соответствующую сферу, при координирующей роли прокуратуры.

Практика 2021-2025 гг. демонстрирует расширение сфер применения публичных исков и их концентрацию в нескольких направлениях. Во-первых, существенное развитие получили антикоррупционные требования об обращении в доход государства имущества, законность источников приобретения которого не подтверждена (Закон № 230-ФЗ от 03.12.2012³). По мере развития правоприменения эта категория стала массовой: за 2017-2023 гг. прокурорами заявлено свыше 400 таких исков; стоимость имущества, обращённого в доход государства, превысила 760 млрд. руб., а в 2024 г. объём обращённого имущества дополнительно составил более 500 млрд. руб.⁴. Указанный механизм получил поддержку Конституционного Суда РФ, подтвердившего допустимость гражданско-правовых мер в целях

¹ О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) // СудАкт [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/zakon-rf-ot-17011992-n-2202-1-o/> (дата обращения: 25.12.2025).

² Прокурорские иски: кто материальный истец? [Электронный ресурс] / PG Partners. – URL: <https://goo.su/6OhytX> (дата обращения: 25.12.2025).

³ О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2023): Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-03122012-n-230-fz-o/> (дата обращения: 25.12.2025).

⁴ Антикоррупционные иски прокуратуры: прокурорская и судебная практика и советы по защите [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/VWuxz> (дата обращения: 25.12.2025).

антикоррупционной политики¹. Во-вторых, активизировались иски о возмещении экологического вреда, заявляемые как прокурорами, так и профильными органами. Показательным является дело о разливе дизельного топлива в Норильске в 2020 г., по которому было взыскано 146,2 млрд. руб. в возмещение экологического ущерба². Этот пример отражает потенциал исковой формы для восстановления публичного экологического интереса. В-третьих, устойчиво применяются иски в защиту публичного экономического порядка и бюджета (антимонопольные требования³, оспаривание сделок и контрактов⁴, взыскание санкций, регрессные требования к должностным лицам и др.⁵). Их общая функция состоит в обеспечении судебного контроля за соблюдением обязательных публично-правовых требований и компенсации причинённого публичным образования ущерба. В совокупности указанные направления показывают, что исковая форма в публичной сфере выступает правовой моделью защиты государственно-правового пространства: она переводит управленческую реакцию государства в формат судебнопроверяемого и исполнимого требования.

¹ По делу о проверке конституционности части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», пункта 5 статьи 4 Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» и пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.И. Коврицкой»: Постановление Конституционного Суда РФ от 04.07.2022 № 27-П // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.su/CqCye> (дата обращения: 25.12.2025); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Романенко Дарьи Сергеевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также частью 1 статьи 4, частью 3 статьи 15, статьей 17 и частью 2 статьи 18 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»: Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 № 1163-О // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-03122012-n-230-fz-o/> (дата обращения: 25.12.2025); По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29112016-n-26-p/> (дата обращения: 25.12.2025).

² Решение Арбитражного суда Красноярского края от 12 февраля 2021 г. по делу № А33-27273/2020 // [Электронный ресурс]. URL: https://ohranatruda.ru/upload/medialibrary/1a2/Reshenie-po-delu_-A33_27273_2020.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

³ Обзор судебной практики, связанной с привлечением к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) (ред. от 19.11.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504015/ (дата обращения: 25.12.2025).

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 05.09.2023 № 303-ЭС23-15671 по делу № А73-15422/2022 // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.su/gvVTC> (дата обращения: 25.12.2025).

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.01.2018 № 18-КГ17-236 // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22012018-n-18-kg17-236/> (дата обращения: 25.12.2025).

Массовое применение административно-исковой формы отражается в статистике дел по КАС РФ: в 2021 г. судами общей юрисдикции рассмотрено около 4,5 млн. административных дел, в 2022 г. – около 5,3 млн., в 2023 г. – 2,172 млн., в 2024 г. – свыше 4,8 млн. дел¹. Колебания нагрузки во многом обусловлены изменением практики взыскания обязательных платежей и санкций, составляющих значительный массив публично-правовых споров. Высокая серийность таких дел усиливает нагрузку судов на фоне кадрового дефицита: к концу 2024 г. вакантными оставались 6491 должность судьи (19,8% штата)². В этих условиях актуальны меры процессуальной экономии и цифровизации, однако они должны сочетаться с обеспечением реальной судебной защиты и соблюдением принципов состязательности и независимости суда.

Сопоставление с зарубежными моделями показывает, что защита публичных интересов может быть институционально организована по-разному. В США представительство публичных интересов распределено между атторнеями и государственными агентствами, а также широко используется public interest litigation (включая «citizen suits») и коллективные иски. В Германии прокурор в гражданском процессе участвует ограниченно, а ключевая нагрузка по контролю за администрацией возложена на систему административных судов³. Во Франции *ministère public* чаще вступает в гражданские дела для защиты публичного порядка, при развитой административной юстиции⁴. На этом фоне российская модель отличается более высокой ролью прокуратуры и сочетанием прокурорской инициативы с механизмами административного судопроизводства (КАС РФ).

Таким образом, исковая форма в публично-правовой сфере выступает

¹ Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 25.12.2025).

² Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70510/print> (дата обращения: 25.12.2025).

³ Гордейко М.А. Судебная власть и организация судопроизводства в ФРГ // Инновационная наука. 2017. № 4. С. 4.

⁴ Захарова М. В. Организация органов правосудия во Франции: исторические опыты и современное состояние // Актуальные проблемы российского права. 2012. №1. С. 45

правовой моделью защиты государственно-правового пространства: она обеспечивает судебный контроль за реализацией публичной власти и позволяет превращать общественно значимые нарушения в предмет юридически проверяемого спора. Эффективность модели определяется корректным определением надлежащего заявителя (прокурор либо компетентный орган), соблюдением субъектного состава и сохранением состязательности даже при защите неопределённого круга лиц и публичных образований. В условиях правовых трансформаций судебный иск сохраняет роль универсального инструмента, обеспечивающего легитимность и исполнимость защиты публичных интересов.

2.2. Элементы иска и их значение для правоприменения

Иск индивидуализируется через элементы, которые задают пределы судебного рассмотрения и позволяют отличать одно требование от другого. Закон прямо оперирует категориями предмета и основания иска (ст. 39 ГПК РФ, ст. 49 АПК РФ), а в вопросах тождества спора правоприменение учитывает также состав сторон. Хотя в доктрине состав элементов дискуссионен (см. Приложение 1), для целей настоящего раздела элементы иска целесообразно рассматривать как: предмет – материально-правовое требование (выбранный способ защиты); основание – совокупность юридически значимых фактов; стороны – истец и ответчик как участники материального спора.

Элементы иска имеют ключевое прикладное значение: они определяют пределы рассмотрения и решения (принцип диспозитивности); позволяют установить тождество спора и применить эффект «res judicata» (ст. 220 ГПК РФ; п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ); формируют предмет доказывания и распределение бремени доказательств (ст. 56 ГПК РФ; ст. 65 АПК РФ). При этом неверные правовые ссылки или ошибочная квалификация требований сами по себе не должны препятствовать рассмотрению дела: суд применяет подлежащие нормы права, сохраняя пределы предмета и фактического

основания заявленного требования. Проведём отдельный анализ каждого из основных элементов иска – предмета, основания и сторон, с учетом теоретических подходов и актуальной судебной практики.

Предмет иска – это конкретное материально-правовое требование истца к ответчику, выражающее избранный способ судебной защиты (взыскание, признание права, присуждение к исполнению обязанности и др.). Верховный Суд РФ указывает, что предметом иска является именно требование, возникающее из спорного правоотношения, по которому истец просит суд вынести решение¹. Предмет иска задаёт пределы судебного решения: суд не вправе присудить иное, чем просит истец, и не может по собственной инициативе заменить один способ защиты другим². Ошибочный выбор способа защиты не должен влечь процессуальные препятствия (возврат, оставление без движения), однако при рассмотрении по существу суд оценивает, способен ли заявленный предмет привести к восстановлению права; при необходимости суд разъясняет истцу возможность изменения предмета, но не подменяет его волеизъявление. На стадии подготовки дела суд обсуждает с участниками юридическую квалификацию правоотношения и применимые нормы, сохраняя диспозитивные пределы предмета иска.

Основание иска образует совокупность юридически значимых фактов, из которых истец выводит требование. Вопрос о включении «юридического основания» (норм права) дискуссионен³, однако для правоприменения ключевым является именно фактическое основание, поскольку оно определяет границы доказывания и тождество спора. Практически основание иска выполняет три функции: служит критерием тождества дел вместе с предметом и сторонами (ст. 220 ГПК РФ; п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ); формирует предмет

¹ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 ноября 2022 г. № 50-КГ22-4-К8 Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405807197/> (дата обращения: 25.12.2025).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.03.2022 № 78-КГ21-65-К3 // СудАкт [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/ItTzC1e> (дата обращения: 25.12.2025).

³ Даудов М. А. Практические и теоретические проблемы изменения предмета и основания иска // Научные исследования как основа инновационного развития общества. 2021. С. 167.

доказывания и распределение бремени доказательств (ст. 56 ГПК РФ; ст. 65 АПК РФ); определяет допустимость изменения требований: существенная замена фактов означает изменение основания и применяется по правилам ст. 39 ГПК РФ, ст. 49 АПК РФ. Следовательно, основание иска – это «фактологический каркас» требования, обеспечивающий определённую спор и предсказуемость защиты для ответчика.

Стороны иска – истец и ответчик как предполагаемые носители спорного права и обязанности в материальном правоотношении. Для тождества споров требуется совпадение не только предмета и основания, но и субъектного состава, что делает «стороны» практически значимым элементом индивидуализации иска¹. Надлежащий состав сторон обеспечивает исполнимость решения: если требование предъявлено к ненадлежащему ответчику, суд разъясняет истцу право на замену (ст. 41 ГПК РФ; ст. 47 АПК РФ) либо привлечение соответчика; при отказе истца от замены дело рассматривается по существу с риском отказа ввиду отсутствия обязанности у привлечённого лица. Замена истца законом прямо не предусмотрена: ненадлежащий истец выявляется при разрешении спора и ведёт к отказу в иске. Отдельно действует механизм правопреемства при выбытии стороны после возбуждения дела (ст. 44 ГПК РФ; ст. 48 АПК РФ). В спорах с участием публичных субъектов особую роль играет корректная идентификация органа (образования) как надлежащей стороны, иначе судебная защита теряет практический эффект².

Сравнительно-правовой обзор подтверждает универсальность идеи «элементов» как инструмента определённости спора. В Германии «Streitgegenstand» традиционно связывается с заявленным требованием (Antrag) и единым фактическим комплексом (Lebenssachverhalt); во Франции выделяются «objet du litige» и «cause» при свободе суда в правовой квалификации, но при связанности предметом требований; в праве ЕС для

¹ Комиссаров К.И. Советский гражданский процесс. М. 1988. С 64.

² Попова А.С. Проблемы реализации института гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Редакционная коллегия. 2021. № 3. С. 35.

целей «*lis pendens*» также используются критерии «те же стороны – тот же предмет – то же основание». В общем праве близкую функцию выполняют категории «*claim*» и «*cause of action*», ориентированные на единый фактический «жизненный случай». Следовательно, российская конструкция предмета, основания и сторон соответствует общему назначению элементов иска – обеспечивать определённую и неповторяемость судебного спора¹.

Право истца распоряжаться иском предполагает возможность изменения исковых требований. Российское законодательство прямо закрепляет это: истец вправе изменить основание или предмет иска (ч. 1 ст. 39 ГПК РФ; ч. 1 ст. 49 АПК РФ), а также увеличить или уменьшить размер требований. На практике изменения в иск могут вноситься в разных формах – от незначительных уточнений до полной замены первоначального требования новым. В связи с этим правоприменение выработало разграничение между изменением иска и уточнением (конкретизацией) исковых требований.

Изменение иска в строгом смысле – это замена либо предмета, либо основания иска на другой. В частности, истец вместо требования о признании права собственности заявляет требование о возврате имущества (изменение предмета), либо приводит вместо ранее указанных одних фактов иной набор фактических обстоятельств (изменение основания). Такое изменение допускается законом до принятия судом решения по существу, обычно – до окончания предварительного судебного заседания или начала прений (в практике судов общей юрисдикции – до удаления суда в совещательную комнату). При изменении основания или предмета иска, а также при увеличении размера исковых требований течение срока рассмотрения дела, предусмотренного ГПК РФ, начинается со дня совершения соответствующего процессуального действия (ч. 3 ст. 39 ГПК РФ). При этом суд обязан обеспечить соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон, предоставив другой стороне реальную возможность подготовить возражения по

¹ Кулакова В.Ю. Гражданский процесс зарубежных стран (Франция и Англия): учебное пособие для аспирантов. М. 2019. С. 125.

изменённым требованиям. Аналогичное диспозитивное полномочие истца (изменение основания, предмета иска, увеличение (уменьшение) размера требований до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела) предусмотрено ч. 1 ст. 49 АПК РФ

Уточнение исковых требований – понятие, сложившееся в практике, хотя прямо в законе не прописано. Уточнение обычно означает изменение формулировок, сумм или отдельных аспектов требования без изменения существа предмета и основания. Так, истец может скорректировать расчет задолженности, сославшись на уточненные данные, или конкретизировать просительную часть (вместо «обязать устранить препятствия» указать конкретные действия, которые должен совершить ответчик).

Уточнение (конкретизация) исковых требований, сложившееся в практике, само по себе не влечёт последствий, предусмотренных ч. 3 ст. 39 ГПК РФ, если оно не изменяет предмет или основание иска и не увеличивает размер исковых требований. При выходе за эти пределы соответствующее «уточнение» подлежит квалификации как изменение иска либо увеличение размера требований. По сути, это форма реализации принципа процессуальной экономии: истцу позволяется корректировать свои требования, не меняя их фундаментально. Однако грань между уточнением и изменением подчас размыта. Суды нередко сталкиваются с вопросом: не выходит ли истец за пределы допустимого уточнения, фактически меняя предмет или основание. Судебная практика раскрывает существующие проблемы в этой области.

В уже упоминавшемся ранее определении Верховного Суда РФ по делу № 78-КГ21-65-КЗ¹, нижестоящие судебные органы, не найдя доказательств договора займа, изменили квалификацию спора и удовлетворили требование как о неосновательном обогащении. ВС РФ отменил эти решения, указав, что суд не вправе по собственной инициативе изменять предмет или основание иска; он обязан решить дело лишь по заявленным требованиям.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.03.2022 № 78-КГ21-65-КЗ // СудАкт [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/ItTzC1e> (дата обращения: 25.12.2025).

Суды должны были, обнаружив отсутствие договора, оставить иск без удовлетворения или предложить истцу изменить основание, но не делать этого за него. ВС РФ особо подчеркнул, что самовольная замена судом исковых требований нарушает принцип диспозитивности процесса. Данное разъяснение высшей инстанции было встречено с одобрением одних специалистов и критикой других. Критики указывали, что интерес истца (возврат денег) в том деле мог быть защищен и при квалификации как неосновательное обогащение, а формальный подход ВС приведет к тому, что истцу придется начинать новый процесс¹.

В свете Определения ВС РФ от 01.03.2022 № 78-КГ21-65-К3² можно прогнозировать, что суды станут осторожнее в самовольном изменении квалификации требований. Однако эта ситуация демонстрирует сложность разграничения: когда изменение квалификации права превращается в изменение предмета иска. Очевидный вывод – суд должен предлагать сторонам обсудить иную правовую квалификацию еще на стадии подготовки, согласно п. 9 постановления Пленума ВС № 25/2015, и, если истец не заявит соответствующее изменение сам, суд не вправе выносить решение на совершенно ином основании, которого не было в иске.

Закон дает истцу широкие полномочия по изменению иска, но устанавливает временные и процедурные рамки. Так, если истец существенно изменяет иск после начала судебного разбирательства, это может нарушить права ответчика на защиту, поскольку подготовка к защите шла исходя из исходных требований. По общему правилу изменение предмета или основания иска, а также предъявление новых требований в суде апелляционной инстанции не допускается (ч. 6 ст. 327 ГПК РФ).

Исключение возможно в случаях, когда суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам производства в суде первой инстанции. Тогда

¹ ВС разъяснил, когда нельзя изменить исковые требования // ПравоРУ [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/240163/> (дата обращения: 25.12.2025).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.03.2022 № 78-КГ21-65-К3 // СудАкт [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/ltTzC1e> (дата обращения: 25.12.2025).

допускаются распорядительные действия, предусмотренные ст. 39 ГПК РФ (п. 49 Постановления Пленума ВС РФ от 22.06.2021 № 16). Аналогично, в кассации или надзоре менять предмет (основание) уже невозможно. Кроме того, не допускается изменение вида судопроизводства: если требование, в сущности, превращается из, к примеру, виндикационного в оспаривание нормативного акта, то такой «измененный» иск не может рассматриваться в рамках прежнего дела (его следует оставить без рассмотрения и предложить подать по правилам иной юрисдикции).

В 2023 г. Верховный Суд в одном из определений¹ отменил решения по делу, где судами были смешаны различные требования: фактически, суд пытался рассмотреть в одном процессе то, что требовало разных процедур, и это признано недопустимым. Данный пример демонстрирует: хотя истец и обладает диспозитивным правом менять иск, это право не беспредельно – существуют объективные границы, обусловленные подведомственностью, стадией процесса и обеспечением права ответчика на защиту.

Увеличение размера исковых требований допустимо при сохранении того же предмета и фактического основания спора и может быть обусловлено, в том числе, продолжением нарушения обязательства. Так, по денежным обязательствам истец вправе заявить требование о взыскании процентов по ст. 395 ГК РФ по день фактического исполнения обязательства. При этом сумма процентов определяется на день вынесения решения, а взыскание продолжается до момента исполнения при наличии требования истца (п. 48 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7). Вместе с тем предъявление в ходе процесса новых самостоятельных требований, отличных по предмету (например, добавление иной санкции или иного способа защиты, не заявленного первоначально), не следует смешивать с увеличением размера исковых требований и должно оцениваться как заявлением нового требования².

¹ См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 августа 2023 г. № 5-КГ23-75-К2 // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/evWwd> (дата обращения: 25.12.2025).

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2023 № 305-ЭС23-13323 по делу № А40-55545/2022 // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/yjhi> (дата обращения: 25.12.2025).

Последние годы были ознаменованы важными разъяснениями ВС РФ по вопросам изменения и уточнения иска. Верховный Суд РФ подтвердил недопустимость изменения иска судом по собственной инициативе и потребовал строгого соблюдения пределов заявленных требований. Одновременно отмечено, что правовая квалификация сама по себе не входит в предмет или основание иска, и потому изменение судом применимых норм (после обсуждения с сторонами) не считается изменением иска. Ключевая проблема правоприменения – найти баланс между гибкостью, необходимой для эффективной защиты права, и формальной определенностью предмета спора. Практические тенденции последних лет указывают на то, что радикальных перемен не произойдет: по-прежнему преобладать будет подход, при котором правовая квалификация спора не считается составляющей элемент иска, а значит, суд может менять нормы права, не меняя фактических пределов спора. Однако любые изменения фактических обстоятельств или сути требования требуют активного волеизъявления истца и должны происходить до вынесения решения судом первой инстанции. В интересах истца – своевременно уточнить и скорректировать свои требования; в интересах ответчика – заявлять возражения, если уточнение по сути изменяет спор; а задача суда – обеспечить процессуальные гарантии при реализации истцом своего права на изменение иска.

Таким образом, анализ показывает, что иск в гражданском и арбитражном процессе индивидуализируется прежде всего предметом и основанием, а для целей тождественности обоснованно учитывать также стороны: совпадение этих элементов определяет пределы спора и допустимость повторного обращения в суд. Элементы иска выполняют ключевую правоприменительную функцию на стадиях принятия заявления, формирования предмета доказывания и вынесения решения, обеспечивая правовую определённость и защиту ответчика от непредсказуемого расширения требований.

3. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ИСКА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

3.1 Цифровизация правосудия и её влияние на институт иска

Цифровизация правосудия в Российской Федерации за последние пятнадцать лет существенно изменила практику предъявления иска, прежде всего через переход к электронному документообороту и дистанционным формам участия в процессе. Инфраструктурой электронного правосудия выступают ГАС «Правосудие» (в судах общей юрисдикции, включая модуль «Электронное правосудие» и интеграцию с ЕПГУ, ЕСИА) и сервис «Мой арбитр» в арбитражных судах; доступ к материалам и актам по арбитражным делам поддерживается также через КАД «Арбитр». Участие в судебных заседаниях может осуществляться дистанционно с использованием ВКС и веб-конференций, внедряемых поэтапно.

Масштаб электронного взаимодействия с судами выражается в миллионах процессуальных документов и высокой доле онлайн-обращений, особенно в арбитражной системе (по последним имеющимися в открытом доступе данным: в 2023 г. через «Мой арбитр» подано 15,7 млн. документов, что составляло около 74% общего объема документов; в I квартале 2024 г. – 4,18 млн. документов, что на 15,5% больше аналогичного периода 2023 г.; за 2024 год количество обращений через ГАС «Правосудие» превысило 5 млрд.)¹. Для института иска это означает: инициирование судебной защиты стало технологически проще и быстрее, но эффективность права на иск теперь в большей степени зависит от устойчивости цифровых сервисов, кибербезопасности и равного доступа участников к электронным каналам правосудия. Электронная подача иска снижает издержки доступа к суду: заявление может быть направлено дистанционно, а момент подачи фиксируется

¹ 3 из 4 документов подаются в арбитражные суды РФ онлайн через сервис «Мой арбитр» // ПравоРУ [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/252757/> (дата обращения: 25.12.2025).

системой, что важно для соблюдения сроков. Регистрация и движение документов ускоряются за счет автоматизированного учета, а сопутствующие действия (уплата госпошлины, получение информации о ходе дела, получение извещений) все чаще выполняются через электронные сервисы. В результате иницирующая функция иска сохраняется, но реализуется более оперативно и «безбумажно», что особенно значимо в период реформ и роста нагрузки на суды.

Вместе с тем цифровая форма предъявления иска делает доступ к правосудию зависимым от работоспособности информационных систем и качества защиты данных. Инцидент октября 2024 г., приведший к длительной недоступности сервисов ГАС «Правосудие» и сайтов судов, показал, что кибератаки и масштабные технические сбои способны фактически блокировать реализацию права на обращение в суд и затруднять совершение процессуальных действий¹. Это актуализирует требования к резервированию инфраструктуры, надежной регистрации входящих документов и восстановлению сервисов в разумные сроки. Для правоприменения принципиально наличие единообразного подхода к последствиям технических сбоев: при объективной невозможности подачи документов через официальный сервис должна быть обеспечена возможность подтверждения факта сбоя и оценки влияния сбоя на соблюдение процессуальных сроков. Иными словами, цифровизация усилила охранительную функцию иска, но одновременно создала новые технологические риски, требующие процессуальной «страховки» и четких стандартов ответственности системы.

Цифровизация усиливает доступность правосудия, но одновременно выявляет цифровое неравенство: возможности электронного обращения зависят от качества связи, наличия устройств и уровня цифровой грамотности. Это означает, что формальное расширение электронных каналов не тождественно реальному равенству доступа к суду, особенно в социально и инфраструктурно

¹ Совет судей высказался о поломке ГАС «Правосудие» // ПравоРУ [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/256523/> (дата обращения: 25.12.2025).

неоднородных регионах. В данных условиях цифровая трансформация должна сопровождаться минимальным стандартом технической обеспеченности судов и сохранением понятных офлайн-альтернатив для участников, которые объективно не могут использовать электронные сервисы. Контрольные и экспертно-аналитические материалы, обсуждавшиеся в 2025 г., также подчеркивают необходимость системности (единая стратегия и устойчивое финансирование информатизации судов) для устранения дисбаланса и обеспечения равной применимости иска как средства защиты¹.

В настоящее время используется дифференцированный подход: допускается простая ЭП (как правило, через идентификацию в ЕСИА при подаче через ЕПГУ, официальные модули) и усиленная квалифицированная ЭП – в случаях, когда требуется повышенная идентификация подписанта либо когда документ способен повлечь значимые процессуальные последствия (например, отдельные ходатайства в порядке электронного обращения). Для электронных образов бумажных документов (сканов) сохраняются требования воспроизведения реквизитов исходного документа, что обеспечивает связь с оригиналом. Пленум Верховного Суда РФ² разъяснил базовые принципы принятия электронных документов и электронных образов при соблюдении установленных требований к форме и подписи: электронный формат не может сам по себе служить основанием для отказа в принятии, возвращения или оставления без движения при выполнении регламентных условий подачи и удостоверения в соответствующей системе. Это закрепило ключевую гарантию: электронный иск равнозначно запускает судопроизводство при соблюдении правил идентификации и подписи.

Цифровизация не изменила требования к содержанию искового заявления: сохраняются обязательные сведения о суде и сторонах,

¹ Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (дата обращения: 25.12.2025).

² См.: О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/2zc081T> (дата обращения: 25.12.2025).

формулировка требований, изложение обстоятельств и перечень приложений (ст. 131 ГПК РФ; ст. 125 АПК РФ). Соответственно, сохраняются и ключевые элементы иска (предмет и фактическое основание; значение субъектного состава) – их содержание раскрыто выше в п. 2.2 настоящего исследования.

Практически электронные формы подачи дисциплинируют структуру заявления (раздельные поля «требование, обстоятельства, приложения»), что повышает определенность и снижает риск смешения предмета и основания, однако при этом может усиливать чувствительность к техническим ошибкам заполнения. Судебная практика постепенно устраняет случаи излишнего формализма при оценке электронной формы (например, требования о «скане подписи» при наличии надлежащей ЭП¹), исходя из того, что волеизъявление истца подтверждается подписью в соответствующей системе.

Отдельный практический вопрос – направление копий иска и приложений другим участникам (ст. 132 ГПК РФ; ст. 126 АПК РФ). Хотя электронные каналы уведомления развиваются (в том числе через кабинеты в ЕПГУ), их применение пока неоднородно, поэтому нередко сохраняется смешанная модель: электронная подача в суд при одновременном обеспечении направления копий другим лицам по установленным правилам. Электронное заявление должно оцениваться как равнозначное бумажному при соблюдении требований к подписи, полномочиям и порядку подачи.

Цифровизация затронула доказательственную составляющую исковой защиты: в арбитражном и гражданском процессе электронные документы, переписка (e-mail, мессенджеры), данные сайтов, аудио- и видеозаписи, сведения из электронных реестров и баз данных стали типовыми источниками доказательств. Процессуальное законодательство допускает представление письменных доказательств в форме электронных документов (ч. 1 ст. 71 ГПК РФ), а арбитражный процесс традиционно ориентирован на электронный

¹ О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/2zc081T> (дата обращения: 25.12.2025); Апелляционное определение Московского городского суда от 14.08.2025 № 33-30677/2025 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/ka0I> (дата обращения: 25.12.2025).

документооборот. Главная проблема цифровых доказательств – обеспечение достоверности и проверяемости (подлинность, неизменность, источник происхождения). На практике это решается сочетанием процессуальных и технических инструментов: указание источника (URL), даты и времени фиксации, представление файлов с метаданными, использование квалифицированной ЭП, подтверждение отправителя, получателя, а при оспаривании – экспертные исследования. Для «летучих» цифровых объектов (страницы сайтов, динамическая переписка) нередко используется нотариальный осмотр как способ закрепления содержания; при всей доказательственной надежности он увеличивает расходы и может снижать доступность защиты для отдельных участников, что требует выработки более экономичных и стандартизированных способов фиксации (в том числе через официальные сервисы и технологию доверенного времени). Параллельно развивается цифровой доступ к материалам дела: в арбитражных судах электронные кабинеты и КАД «Арбитр» обеспечивают устойчивые механизмы ознакомления; в судах общей юрисдикции функционал электронного дела формируется постепенно. Электронный формат облегчает ознакомление и копирование, но повышает требования к защите персональных данных и разграничению прав доступа. Для соблюдения реального равенства сторон суду необходимо обеспечивать альтернативные способы ознакомления (бумажные копии по запросу, доступ к материалам в суде) для тех участников, которые объективно не могут использовать онлайн-каналы. В целом цифровая среда расширила доказательственные возможности в рамках исковой формы защиты и ускорила обмен информацией, но усилила роль суда в проверке подлинности цифровых данных и в обеспечении процессуальных гарантий от информационных манипуляций. Это напрямую влияет на охранительную функцию иска: эффективность судебной защиты зависит не только от правовой аргументации, но и от качества цифровых доказательств и доступности их проверки.

Цифровизация изменила не только подачу иска, но и «внутрисудебную

логистику» его движения. Регистрация заявления в информационной системе обычно сопровождается автоматизированным распределением дела между судьями с учетом специализации и нагрузки, что рассматривается как институциональная гарантия независимости и исключение «ручного» формирования состава суда. Вместе с тем остаются вопросы прозрачности критериев распределения и учета реальной сложности дел (формальная равномерность по количеству дел не всегда означает равенство по трудоемкости), что влияет на сроки рассмотрения и эффективность исковой защиты. Одновременно внедряются элементы ИИ и автоматизации, но преимущественно в вспомогательных функциях: проверка комплектности электронных обращений (наличие обязательных реквизитов и приложений), классификация дел, поиск судебной практики, распознавание речи и подготовка протокола заседания¹. Эти технологии могут повышать процессуальную экономию и качество делопроизводства, однако не должны подменять судебное усмотрение: решение по делу и оценка доказательств остаются прерогативой судьи. Следовательно, для института иска эффект цифровизации проявляется в ускорении регистрации и маршрутизации дела, но одновременно требует нормативных и организационных гарантий против «алгоритмического формализма» и снижения качества судебной оценки.

Электронное правосудие требует надежной идентификации участников и подтверждения факта совершения процессуальных действий. При подаче иска через ЕПГУ, ЕСИА либо с применением квалифицированной ЭП идентификация истца опирается на государственные механизмы проверки личности, что снижает риск подачи документов «от чужого имени». Для представителя ключевым остается подтверждение полномочий в электронной форме (электронная доверенность, электронный образ доверенности в установленном порядке), иначе цифровизация не снимает традиционного риска процессуальных ошибок по представительству. Электронные извещения (е-

¹ Титова И.А. Правовое регулирование распределения дел в судах: содержание, реализация, проблемы и направления совершенствования // Право и политика. 2022. №7. С. 102.

mail, личные кабинеты, публикация на сайте суда и др.) повышают оперативность, но ставят вопрос доказуемости доставки и фактической возможности участника ознакомиться с сообщением. Практически это означает: при электронном уведомлении суд должен располагать надлежащими подтверждениями направления, доставки, иначе увеличиваются риски отмены судебного акта как вынесенного при нарушении права на участие в процессе¹. Дистанционные заседания (ВКС, веб-конференции) требуют процедур идентификации личности и защищенности канала связи; обсуждаемые технологические решения (включая биометрию) должны оцениваться через призму допустимости обработки персональных данных и доверия к суду.

Наконец, цифровизация усиливает значимость информационной безопасности: электронные системы оперируют массивами персональных сведений, а утечки или несанкционированный доступ нарушают права участников и доверие к суду. Обезличивание судебных актов в открытом доступе выступает одним из элементов баланса между публичностью правосудия и защитой персональных данных. В результате институт иска сохраняет традиционную требовательность к определенности сторон и надлежащему уведомлению, но способы достижения этих гарантий переходят в цифровую плоскость.

Таким образом, цифровая идентификация усиливает достоверность установления участников процесса и повышает надежность исковой защиты: стороны по-прежнему остаются определенными, но способы подтверждения личности и надлежащего уведомления стали цифровыми. Это снизило риски подложных исков и действий представителей без полномочий, одновременно породив новые вызовы — кибербезопасность, цифровое неравенство, недостаточную регламентацию отдельных вопросов и недоверие части граждан, из-за чего в отдельных случаях требуется резервное бумажное дублирование. Указанные трудности носят преодолимый характер и требуют

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 14.08.2025 № 33-30677/2025 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <https://goe.su/ka0I> (дата обращения: 25.12.2025).

адаптации правоприменения, не затрагивая сущности иска как универсального средства защиты. Цифровая трансформация в целом создает предпосылки для повышения эффективности исковой защиты, однако баланс между технологическими решениями и базовыми принципами судопроизводства остается предметом дальнейшей выработки; в следующем пункте будут рассмотрены меры по совершенствованию законодательства и практики.

3.2 Правовые патологии института иска в условиях правовых и государственных трансформаций

В условиях модернизации правовой системы можно выделить ряд проблемных явлений (патологий), связанных с институтом иска как основным процессуальным средством защиты прав. Современная практика демонстрирует, что трансформационные процессы – обновление законодательства, цифровизация судопроизводства, изменяющаяся роль государства – не только обогащают механизм судебной защиты, но и обнажают существующие теоретические пробелы и дискуссии. Одновременно актуализируются злоупотребления правом на иск со стороны участников процесса, а также процессуальные дисбалансы при участии органов публичной власти. Одной из базовых проблем отечественного процессуального регулирования остается отсутствие в законодательстве четкого легального определения понятий «иск» и «право на иск». Такая дефиниция отсутствует не только в ГПК РФ, но и в АПК РФ, а также в КАС РФ, где институт иска (административного иска) используется как ключевая процессуальная конструкция без нормативного раскрытия его содержания. В результате единый по своей правовой природе способ судебной защиты получает различную доктринальную интерпретацию и неоднозначное практическое наполнение в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве, что объективно способствует многообразию подходов к условиям предъявления иска, его элементам и пределам судебной защиты. Унификация понятия на

уровне законодательства позволила бы устранить терминологическую путаницу и обеспечить единообразие подходов судов¹. Это, в свою очередь, снизило бы число споров о тождестве исковых требований и придало бы большей определенности праву на иск как фундаментальному элементу права на судебную защиту.

Еще одной концептуальной проблемой является неопределенность объема права на иск и условий его осуществления. В частности, дискуссионным остается вопрос о содержании и критериях юридической заинтересованности как условия реализации права на обращение в суд. Хотя ч. 1 ст. 3 ГПК РФ прямо исходит из того, что обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов вправе «заинтересованное лицо», законодательство не раскрывает содержание юридической заинтересованности и пределы ее проверки судом на стадии принятия заявления. В условиях правовых трансформаций это приобретает прикладное значение, в том числе при обращении в суд в защиту чужих, неопределенного круга или публичных интересов (прокурор, органы власти, общественные организации), а также при применении механизмов коллективной защиты, что может приводить к различной оценке судами процессуальной легитимации заявителей. Таким образом, концептуальная неопределенность института иска в новых условиях становится предпосылкой к иным патологическим проявлениям — от злоупотреблений процессуальными правами до ограничений доступа к правосудию.

Одной из наиболее серьезных практических патологий является злоупотребление правом на иск со стороны участников процесса. Судебная практика последних лет подтверждает, что недобросовестные истцы и ответчики используют исковую форму не столько для защиты своих законных интересов, сколько в целях, противоречащих назначению правосудия. К классическим формам злоупотребления относятся²: многократное

¹ Глуховская Е.О. Проблемы института права на иск в гражданском процессе современной России / Е. О. Глуховская // Молодой ученый. 2025. № 28. С. 131.

² Черникова Е.В. Право на иск: проблемы и пути решения // Отечественная юриспруденция. 2019. № 3. С. 35.

предъявление тождественных исков (с целью создать давление или противоречивые решения), искусственное дробление требований для изменения подсудности или снижения пошлины, а также затягивание процесса через встречные иски. В частности, исследователями отмечено, что подача необоснованного встречного иска часто преследует цель затянуть разбирательство, отвлекая ресурс суда и откладывая вынесение решения¹. Такая практика искажает суть института встречного иска, превращая его из средства защиты ответчика в инструмент затягивания процесса. В научной литературе справедливо отмечено, что злоупотребление процессуальными правами подрывает принципы справедливости судопроизводства и требует активного противодействия со стороны суда.

Суды постепенно вырабатывают подходы к пресечению подобных злоупотреблений. Российское законодательство (ст. 10 ГК РФ, процессуальные нормы) закрепляет общий принцип недопустимости злоупотребления правом, и он все чаще применяется на практике. Показательный пример – трудовые споры о восстановлении на работе. Обычно закон стоит на страже нарушенных прав работника, однако Верховный Суд разъяснил: если будет доказано, что уволенный работник сам вел себя недобросовестно, скрывал существенные обстоятельства или иным образом злоупотребил правом, суд вправе отказать ему в восстановлении на работе. Так, пункт 27 Постановления Пленума ВС РФ № 2 от 17.03.2004 прямо допускает отказ в иске о восстановлении, если поведение работника квалифицировано судом как злоупотребление правом². Судебная практика последних лет содержит массу реальных примеров: работники умышленно скрывают (утаивают) факт временной нетрудоспособности на момент увольнения либо факт членства (статуса) в профсоюзе, рассчитывая затем сослаться на нарушения гарантий и добиться восстановления. Суды, установив подобные недобросовестные действия,

¹ Мурзагалиева Ж.Н. Проблемы права на иск в современном гражданском процессе // Гуманитарные и правовые проблемы современной России. 2022. С. 188.

² О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 09.12.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257 (дата обращения: 25.12.2025).

отказывают в удовлетворении требований, мотивируя выводы принципом недопустимости злоупотребления правом¹. Эта практика подтверждает, что принцип добросовестности приобретает реальное процессуальное значение: право на судебную защиту не может прикрываться заведомо противоправными целями.

Другой резонансный пример злоупотребления правом на иск – случаи, когда иски используются не по прямому назначению, а для давления или извлечения выгоды вне рамок законности. Так, Верховный Суд РФ отменил судебные постановления нижестоящих инстанций и принял новое решение об отказе в удовлетворении иска, указав, что участник долевой собственности не обладает безусловным правом на вселение, а предъявление требования о вселении при доле 1/40 (0,5 кв. м жилой площади), невозможности определить порядок пользования и риске нарушения прав иных собственников может квалифицироваться как злоупотребление правом². Подобные казусы свидетельствуют, что суды все чаще выходят за рамки формального анализа исковых требований и исследуют направленность умысла участника процесса. Если будет установлено, что инициирование спора носит характер правового шантажа, мести или иного недобросовестного мотива, суды отказывают в защите, ссылаясь на общеправовой принцип запрета злоупотребления правом.

Таким образом, инструментарий противодействия злоупотреблениям постепенно формируется: от наказания штрафами за недобросовестное поведение – до отказа в судебной защите при явном нарушении принципов добросовестности. Однако, несмотря на позитивные подвижки, проблема злонамеренного использования иска остается актуальной. Особенно остро она проявляется в переходные периоды, когда правовая система обновляется быстрее, чем меняется менталитет участников: новые нормы могут быть использованы старым арсеналом злоупотреблений, если суды не успевают

¹ Злоупотребление правом при восстановлении на работе // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/OsjUz> (дата обращения: 25.12.2025).

² Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 декабря 2013 г. № 4-КГ13-32 // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70451110/> (дата обращения: 25.12.2025).

адаптировать практику.

Правовые трансформации позволили выявить и иные патологические явления, связанные с реализацией права на иск – процессуальные барьеры и пробелы, затрудняющие доступ к правосудию. Одной из таких проблем является практическая реализация правил территориальной подсудности при неизвестности места жительства (местонахождения) ответчика. Формально ч. 1 ст. 29 ГПК РФ уже предусматривает специальное правило: иск к ответчику, место жительства которого неизвестно, может быть предъявлен по месту нахождения его имущества либо по последнему известному месту жительства в Российской Федерации. Вместе с тем в современных дистанционных правоотношениях нередко возникает ситуация, когда истцу неизвестны и последний адрес, и сведения об имуществе ответчика (идентифицируется лишь электронными идентификаторами – номер телефона, аккаунт, e-mail и т.п.). В таких случаях отсутствует ясный «резервный» критерий территориальной подсудности, что на практике может приводить к возврату заявления по формальным основаниям и фактическому затруднению доступа к судебной защите. Данная патология правоприменения была предметом обсуждения в юридической литературе, предлагаются изменения в ГПК РФ для устранения пробела¹. До их принятия отдельные суды стараются восполнить пробел с опорой на аналогию закона и Конституцию РФ, принимая иски по месту жительства истца, если объективно установить адрес ответчика невозможно. Однако единообразия нет, и многие обоснованные требования остаются нереализованными из-за чрезмерного формализма норм подсудности.

С чрезмерным формализмом связан и другой болезненный вопрос – основания отказа в принятии или возвращения иска. В эпоху электронного правосудия и усложнения процедур наблюдаются случаи, когда суды уделяют несоразмерно большое внимание процессуальным атрибутам в ущерб сути права на иск. Например, ненадлежащее оформление документов,

¹ Глуховская Е.О. Проблемы института права на иск в гражданском процессе современной России // Молодой ученый. 2025. № 28. С. 133.

незначительные ошибки в реквизитах сторон, отсутствие копии паспорта или квитанции – все это иногда служит поводом для оставления иска без движения либо возвращения заявления, хотя нарушения легко устранимы. Такая практика, к сожалению, получила распространение, создавая патологию формализма: вместо содействия гражданину в осуществлении права на судебную защиту, суды механически используют процессуальные фильтры. В период трансформаций число подобных случаев возросло, так как заявители не всегда успевают следовать обновленным правилам. Примером могут служить резонансные административные споры 2022-2024 гг. об оспаривании индивидуальных решений о призыве по мобилизации, а также действий (бездействия) военных комиссариатов и иных уполномоченных органов¹: в ряде случаев суды общей юрисдикции возвращали административные исковые заявления граждан из-за несущественных недостатков (формулировка требований, отсутствие копий по числу лиц), что фактически блокировало своевременное рассмотрение по существу. Эти факты подвергались критике со стороны правозащитников как искажение цели правосудия. Можно констатировать, что баланс между процессуальной формой и материальной защитой прав иногда смещается в ущерб последней – и это тоже своеобразная патология правоприменения, требующая внимания на законодательном уровне.

Особое место среди ограничений доступа занимает проблема исполнения судебных решений, хотя она уже выходит за рамки собственно института иска. Даже получив судебную защиту (решение), истец не всегда достигает реального восстановления права из-за неисполнения решения ответчиком или затяжного исполнительного производства. В контексте правовых трансформаций указанная проблема постепенно решается, но сохраняется недостаток доверия граждан к исковой форме защиты как действительно эффективной. Данная тема тесно связана с институтом иска: если судебное решение не исполняется, ценность иска как средства защиты снижается, что, в

¹ Обзор судебной практики, связанной с мобилизацией и специальной военной операцией 2022-2024 (подготовлено экспертами компании «Гарант») // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/77191159/> (дата обращения: 25.12.2025).

конечном счете, подрывает и сам принцип верховенства права. Однако вопросы исполнительного производства выходят за пределы данного раздела; здесь важно подчеркнуть лишь, что совершенствование института иска должно идти в комплексе с реформами исполнения судебных актов.

Государственные и муниципальные органы в период правовых преобразований все активнее выступают сторонами судебных процессов – как в роли истцов, так и в роли ответчиков. Эта тенденция, с одной стороны, свидетельствует об укреплении принципа верховенства закона (власть тоже подчинена суду), с другой – порождает специфические патологии института иска, связанные с неравенством ресурсов и возможным злоупотреблением правом со стороны публичного субъекта. Одной проблемной ситуацией является, когда орган власти использует иск не в интересах законности, а для извлечения выгоды или давления, пользуясь своим особым положением. Так, комитет местной администрации, незаконно отказав гражданину в реализации его права (на приватизацию арендуемого земельного участка), сам подал иск о взыскании с этого гражданина полной арендной платы, фактически пытаясь нажиться на собственной противоправной задержке процедуры. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций удовлетворили требования комитета, показав тем самым формальный подход – гражданин был вынужден платить аренду, несмотря на признание отказа администрации незаконным. Верховный Суд РФ отменил судебные постановления, указав, что начисление арендной платы с момента нарушения органом местного самоуправления права арендатора на приобретение участка в собственность неправомерно, а арендная плата не может быть взыскана в размере большем, чем подлежавший уплате земельный налог; в противном случае незаконное поведение публичного органа становилось бы для него экономически более выгодным, чем соблюдение закона (Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2025), утв. Президиумом ВС РФ 22.12.2025)¹. Этот случай наглядно выявил патологию – смешение ролей, когда

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.02.2025 № 5-КГ24-146-К // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/zmbSzcb> (дата обращения: 25.12.2025).

публичный орган, призванный защищать права, сам становится источником нарушения и затем пытается воспользоваться судом для закрепления результата.

С другой стороны, участие органов публичной власти в процессе в роли ответчиков выявило проблемы с обеспечением реального равенства сторон. Государственные органы, обладая значительными ресурсами и административным влиянием, нередко затягивают рассмотрение дел за счет бесконечных обжалований, пользуются «иммунитетом» от обеспечительных мер или не исполняют судебные решения своевременно. Это можно расценивать как злоупотребление правом на защиту от иска – когда формально допустимые процессуальные средства применяются госсубъектом сверх необходимого, с явным уклоном в затяжку или осложнение судебной защиты для оппонента. Практика показывает, что в спорах граждан или бизнеса с органами власти решения в пользу истцов порой реализуются спустя длительное время из-за целенаправленного сопротивления ответчика. В частности, в делах о пенсионных правах граждан: даже выиграв суд первой инстанции, гражданин может столкнуться с тем, что пенсионный орган обжалует решение вплоть до Верховного Суда, несмотря на очевидную законность требований истца.

Так, в одном из дел суд первой инстанции отказал заявителю, однако суд апелляционной инстанции и кассация удовлетворили требования, применив положения международного соглашения. Верховный Суд РФ впоследствии отменил апелляционное и кассационное определения и оставил в силе решение суда первой инстанции, указав на прекращение действия соответствующего соглашения для Российской Федерации в связи с его денонсацией и необходимость применять российское законодательство к обращениям после 01.01.2023¹. Данный пример иллюстрирует скорее ресурсное и процедурное превосходство публичного ответчика (возможность доводить спор до высшей

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2025 № 32-КГ25-1-К1 // Легалакт [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/9VXu5> (дата обращения: 25.12.2025).

инстанции), чем очевидную недобросовестность; оценка злоупотребления в подобных ситуациях всегда должна быть привязана к конкретным обстоятельствам дела.

Отдельно стоит упомянуть такую новеллу процессуальной модернизации, как административное исковое производство (КАС РФ). Его введение в 2015 году кардинально изменило форму судебной защиты против публичной власти, выделив административный иск как самостоятельный инструмент. Однако первые годы применения КАС РФ выявили и патологии: суды и участники путались в разграничении подсудности между гражданским и административным процессом, что приводило к затягиванию защиты прав. Нередки были случаи, когда гражданские иски ошибочно принимались или рассматривались по правилам ГПК РФ вместо КАС РФ, или наоборот, что вело к отмене решений по формальным основаниям. Эти стыковые проблемы усугублялись трансформацией самого государства: множество новых категорий споров потребовали адаптации судов. До сих пор сохраняется проблема подведомственности в случаях, где смешаны публичные и частные элементы требования. Таким образом, институциональные перемены (введение административного иска) породили временную патологию – снижение эффективности защиты из-за неопределенности, по какому процессуальному пути идти. Постепенно Верховный Суд разъяснил критерии разграничения, и число таких коллизий снизилось, но урок очевиден: быстрая правовая трансформация требует заблаговременной подготовки правоприменителей, иначе даже самый прогрессивный институт может дать сбой на практике.

Наконец, говоря об участии публичных субъектов, отметим проблему ответственности власти за злоупотребление процессуальными правами. В отличие от частных лиц, государственные органы фактически не несут материальных потерь от затягивания процесса или подачи необоснованных исков (штрафы и судебные расходы взыскиваются из бюджета, а не из кармана должностного лица). Отсутствие персональной ответственности создает асимметрию стимулов: чиновник или ведомство могут позволить себе тактику

проволочек, зная, что негативные последствия минимальны. Эта системная проблема выходит за рамки отдельно взятого дела, но прямо влияет на эффективность института иска. В период значительных государственных преобразований (например, реализация крупных реформ, изъятие имущества в пользу государства, споры из-за санкций и т.п.) объем судебных конфликтов между частными лицами и государством растет. Если не будут созданы дополнительные гарантии от злоупотреблений власти – например, повышение эффективности применения уже действующего механизма компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и (или) права на исполнение судебного акта в разумный срок (Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ), а также развитие регрессных механизмов: закон прямо допускает предъявление регрессного требования к органу или должностному лицу, по вине которого допущено нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок. Правовая система должна эволюционировать, обеспечивая реальное равенство сторон: пока же институт иска в спорах с властью порой теряет универсальность, так как фактически гражданин ставится в менее выгодные условия.

Таким образом, современные правовые и государственные трансформации, наряду с позитивным развитием института иска, выявили комплекс его «патологий» – от теоретической неопределенности до недобросовестного использования процессуальных прав. Исследованные проблемы носят системный характер, затрагивая как нормативную базу, так и правоприменительную практику. Все указанные сферы требуют пристального внимания научного сообщества и законодателя. Видится, что своевременное выявление подобных патологий – уже половина решения: адекватная правовая реакция на них позволит усилить иск как универсальное средство защиты, очистив его от наносных проблем. В следующем пункте исследования будут предложены меры по совершенствованию законодательства и практики, направленные на решение некоторых обозначенных проблем. Здесь же важно подчеркнуть, что институт иска продолжает оставаться краеугольным камнем

судебной защиты прав, и его развитие в период трансформаций должно сопровождаться критическим анализом возникающих проблем. Лишь при условии устранения правовых патологий иск сможет реализовать свой потенциал универсального и эффективного инструмента защиты в постоянно меняющемся правовом ландшафте.

3.3 Механизм совершенствования иска как универсального процессуального средства защиты

Учитывая выявленные в п. 3.2 правовые патологии института иска, механизм его совершенствования целесообразно выстроить по принципу «патология – адресная мера реагирования». Ниже предлагаемые изменения законодательства и правоприменительной практики соотносятся с конкретными патологическими проявлениями, что позволяет оценить их прикладную направленность и ожидаемый эффект.

Во-первых, для устранения выявленной правовой патологии дефинитивной неопределенности института иска (отсутствие легального определения иска и нормативного закрепления его структурных элементов при активном использовании этих категорий в нормах о тождественности требований, изменении предмета, основания и пределах разбирательства) представляется обоснованным внести системные дефинитивные изменения в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ.

ГПК РФ целесообразно дополнить статьей 3.1 «Понятие и элементы иска» следующего содержания:

«Иск в гражданском судопроизводстве – предъявляемое в суд требование истца к ответчику о защите нарушенных либо оспариваемых прав, свобод и законных интересов.

Элементами иска являются: стороны иска – истец и ответчик (в соответствии со статьями 38 и 39 настоящего Кодекса); предмет иска – требование истца к ответчику, выраженное в просьбе к суду о применении

определенного способа судебной защиты; основание иска – совокупность фактических обстоятельств, на которых истец основывает заявленное требование».

АПК РФ предлагается дополнить статьей 4.1 «Иск в арбитражном процессе», следующего содержания:

«Иск в арбитражном процессе – предъявляемое в арбитражный суд требование истца к ответчику о защите нарушенных либо оспариваемых прав и законных интересов по экономическим спорам и иным делам, возникающим из гражданских правоотношений.

Элементами иска являются: стороны иска – истец и ответчик (в соответствии со статьей 44 настоящего Кодекса); предмет иска – требование истца к ответчику, выраженное в просьбе к суду о применении определенного способа судебной защиты; основание иска – совокупность фактических обстоятельств, на которых истец основывает заявленное требование».

КАС РФ целесообразно дополнить статьей 4.1 (непосредственно после нормы о праве на обращение в суд с административным исковым заявлением). Проектная редакция может быть следующей:

«Статья 4.1. Административный иск

Административный иск – предъявляемое в суд требование административного истца к административному ответчику о защите нарушенных либо оспариваемых прав, свобод и законных интересов в сфере административных и иных публичных правоотношений, а также о защите публичных интересов в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом.

Элементами административного иска являются: стороны административного иска – административный истец и административный ответчик (в соответствии со статьей 38 настоящего Кодекса); предмет административного иска – требование административного истца, выраженное в просьбе к суду о применении предусмотренного законом способа судебной защиты; основание административного иска – совокупность фактических

обстоятельств, на которых административный истец основывает заявленное требование».

Реализация предложенных изменений позволит нормативно закрепить единый понятийный аппарат, повысить предсказуемость квалификации заявленных требований, унифицировать подходы судов к вопросам тождественности и изменяемости требований, снизить риск ошибочной процессуальной тактики сторон и сократить количество случаев, когда спор о «предмете» и «основании» фактически подменяет рассмотрение дела по существу, что в целом будет характеризоваться положительным влиянием на правоприменение.

Во-вторых, для устранения выявленной правовой патологии цифрового неравенства сторон и зависимости доступа к суду от устойчивости официальных электронных сервисов (включая отсутствие единых последствий технической недоступности и стандарта доказывания сбоя) предлагается внести изменения в процессуальное законодательство и принять организационные меры, гарантирующие равный доступ к суду в условиях цифровизации.

1. Предлагается прямо дополнить нормы о восстановлении процессуальных сроков, указав, что технический сбой официальных электронных каналов подачи документов признаётся уважительной причиной пропуска срока, при условии подтверждения периода недоступности и добросовестного поведения заявителя. Для этого необходимо:

1.1. Часть 1 статьи 112 ГПК РФ дополнить абзацем вторым: «К уважительным причинам пропуска процессуального срока, в частности, относится технический сбой (недоступность) федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» и (или) информационной системы, определённой Верховным Судом Российской Федерации и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, через которые в соответствии с частью 1.1 статьи 3 настоящего Кодекса подаются процессуальные документы». Часть 2 статьи 112 ГПК РФ дополнить новым предложением (после предложения про

прилагаемые документы): «Факт технического сбоя (недоступности) подтверждается уведомлением соответствующей информационной системы об ошибке (отказе в приёме), сообщением (справкой) оператора информационной системы либо иными доказательствами, позволяющими установить период недоступности сервиса».

1.2. Статью 117 АПК РФ дополнить частью 2.1 следующего содержания: «2.1. Технический сбой (недоступность) федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» и (или) информационной системы, определённой Верховным Судом Российской Федерации и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, либо иных официальных каналов электронного обращения, указанных в части 7 статьи 4 настоящего Кодекса, признаётся уважительной причиной пропуска процессуального срока. Факт технического сбоя подтверждается уведомлением соответствующей информационной системы об ошибке (отказе в приёме), сообщением (справкой) оператора информационной системы либо иными доказательствами, позволяющими установить период недоступности сервиса».

1.3. Часть 1 статьи 95 КАС РФ дополнить абзацем следующего содержания: «Технический сбой (недоступность) федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» и (или) информационной системы, определённой Верховным Судом Российской Федерации и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, посредством которых в соответствии с частями 2.1-2.3 статьи 45 настоящего Кодекса осуществляется подача процессуальных документов, признаётся уважительной причиной пропуска процессуального срока при условии подтверждения периода недоступности соответствующего сервиса».

При этом в целях устранения неоднородности практики целесообразно подчеркнуть (в формулировке закона либо в последующем разъяснении), что сам по себе выбор электронного способа подачи, предусмотренного законом,

является правомерным способом реализации права на судебную защиту. Следовательно, при подтверждённом сбое восстановление срока не должно автоматически ставиться в зависимость от рассуждений о том, мог ли заявитель «теоретически» подать документы иными способами (почтой, через канцелярию), если заявитель действовал добросовестно и без промедления после устранения препятствия.

2. Предлагается в ч. 1.1 ст. 3 ГПК РФ, ч. 7 ст. 4 АПК РФ и ч. 2 ст. 45 КАС РФ закрепить единообразное уточняющее предложение следующего содержания: «Отказ в принятии документов, поданных на бумажном носителе, по мотиву наличия возможности их подачи в электронном виде не допускается. Отсутствие у лица доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо невозможность использования официальных электронных сервисов по техническим причинам не может влечь для него неблагоприятных процессуальных последствий». Такое уточнение придаёт норме прикладной характер: оно переводит «разрешение» подавать на бумаге в формат процессуальной гарантии, направленной на нейтрализацию цифрового неравенства (в том числе между профессиональными участниками и гражданами, между регионами с разной инфраструктурой и т. п.).

3. Представляется логичным закрепить единый подход не «вообще разъяснением», а адресно – через дополнение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 (как системного акта об электронных документах) специальным пунктом о последствиях технических сбоев официальных сервисов. В таком пункте целесообразно: указать, что подтверждённая недоступность официальной системы электронного обращения является обстоятельством, объективно препятствующим реализации права на обращение в суд, и подлежит оценке как уважительная причина пропуска срока; закрепить ориентиры доказывания (достаточность уведомления системы об ошибке (отказе), скриншота с идентифицируемым временем, официального сообщения (справки) оператора, сведений о массовой недоступности на официальных ресурсах; разъяснить, что восстановление срока не может быть

отказано лишь по мотиву существования альтернативных способов подачи, если лицо добросовестно воспользовалось предусмотренным законом электронным каналом и оперативно предприняло меры после устранения сбоя.

Для минимизации цифрового неравенства и снижения споров о процессуальных сроках рекомендуется: обеспечить публичный мониторинг доступности официальных сервисов и фиксацию инцидентов с возможностью получения подтверждения периода недоступности; повысить отказоустойчивость и резервирование систем подачи документов; создать в судах «точки цифрового доступа» для граждан, не имеющих технической возможности использовать электронные каналы; организовать оперативную службу поддержки с регламентом регистрации обращений и присвоением номера инцидента, пригодного для доказывания при восстановлении срока. Реализация предложенных изменений позволит снизить зависимость доступа к правосудию от технических факторов, перераспределить технологические риски цифровизации с участников процесса на государство как организатора судебной системы, обеспечить предсказуемость подходов к восстановлению сроков и исключить случаи фактического ограничения права на судебную защиту из-за цифрового неравенства, что в конечном итоге окажет позитивное влияние на правоприменение.

В-третьих, для устранения выявленной правовой патологии злоупотребления правом на иск и процессуальными правами (серийные обращения, искусственное дробление требований, встречные иски как инструмент затягивания) представляется целесообразным предложить комплекс взаимосвязанных поправок, усиливающих принцип добросовестности и процессуальной экономии при сохранении конституционной гарантии судебной защиты. Предлагается следующий комплекс мер:

1. Видится целесообразным дополнение статьи 35 ГПК РФ прямой формулировкой запрета злоупотребления процессуальными правами, по модели АПК РФ и КАС РФ, закрепив не только обязанность добросовестности, но и процессуальные последствия злоупотребления. Предлагаемая

редакционная вставка: «Злоупотребление процессуальными правами не допускается. При установлении злоупотребления суд отказывает лицу в реализации соответствующего процессуального права (в том числе в удовлетворении заявления, ходатайства), если оно явно направлено на срыв судебного заседания, затягивание процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного постановления, и применяет иные последствия, предусмотренные настоящим Кодексом». Такое дополнение устраняет концептуальный пробел ГПК по сравнению с АПК и КАС, где запрет злоупотреблений сформулирован прямо.

2. Предлагается дополнить главу 7 ГПК РФ новой статьей 98.1 «Отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее процессуальными правами»; дополнить статью 111 КАС РФ новой частью аналогичного содержания (либо (при иной технике) ввести отдельную статью 111.1 КАС РФ). Возможная редакция для ст. 98.1 ГПК РФ видится следующей: «Суд вправе отнести все судебные расходы по делу на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами или не выполняющее свои процессуальные обязанности, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного постановления». Эта поправка логично встраивается в уже существующую санкционную систему ГПК РФ (включая ст. 99 ГПК РФ о компенсации за потерю времени), но делает воздействие на злоупотребителя более практикоориентированным и «осязаемым» для сторон спора.

3. Предлагается уточнить ч. 4 ст. 151 ГПК РФ, дополнив ее предложением следующего содержания: «Если судья установит, что предъявление нескольких однородных дел обусловлено искусственным разделением истцом единого притязания с целью получения необоснованных процессуальных преимуществ (в том числе изменения подсудности, затруднения защиты ответчика, увеличения процессуальных издержек другой стороны), объединение дел применяется как приоритетная мера, а поведение

истца оценивается судом с точки зрения злоупотребления процессуальными правами с применением последствий, предусмотренных настоящим Кодексом». Смысл данной поправки заключается не в том, чтобы «запретить» заявителю формировать иск, а в том, чтоб ввести понятный критерий для квалификации дробления как злоупотребления и связать уже существующий институт объединения дел с санкционными последствиями (расходы, компенсация, штраф при наличии оснований).

4. Предлагается дополнить ст. 137 ГПК РФ правилом о своевременности встречного иска (по модели управленческих механизмов АПК РФ, конституционность которых подтверждается правовыми позициями Конституционного Суда РФ в части пресечения злоупотреблений через «несвоевременные» действия). Возможная формулировка для ст. 137 ГПК РФ (новый абзац): «Встречный иск предъявляется, как правило, до окончания подготовки дела к судебному разбирательству. Предъявление встречного иска после окончания подготовки допускается при наличии объективных причин, препятствовавших его предъявлению ранее; при отсутствии таких причин судья возвращает встречное исковое заявление по правилам статьи 135 настоящего Кодекса, разъясняя ответчику право на предъявление самостоятельного иска».

Предлагается дополнить ст. 138 ГПК РФ прямым указанием на возврат встречного иска при отсутствии условий его принятия (по аналогии с ч. 4 ст. 132 АПК РФ). Возможная формулировка для ст. 138 ГПК РФ (новый абзац): «Судья возвращает встречное исковое заявление, если отсутствуют условия, предусмотренные настоящей статьей, по правилам статьи 135 настоящего Кодекса».

Предлагается дополнить ст. 131 КАС РФ (о встречном административном иске) нормой о процессуальных последствиях отсутствия условий принятия (возврат либо отказ в принятии), поскольку сейчас статья фиксирует условия, но не задает столь же «технологичный» механизм, как АПК РФ. Возможная формулировка: «В случае отсутствия условий, предусмотренных настоящей

статьей, судья возвращает встречное административное исковое заявление по правилам главы 12 настоящего Кодекса».

Даже при внесении указанных поправок необходима управляемость практики. В этой связи обосновано предложение о разъяснении Пленума Верховного Суда РФ, в котором целесообразно: конкретизировать признаки злоупотребления правом на обращение в суд (серийные обращения, искусственное дробление, встречный иск без реальной связи и др.); дать ориентиры по применению последствий (расходы, компенсация, штраф), включая критерии «явной направленности» действий на затягивание; подчеркнуть баланс: пресечение злоупотреблений допустимо как ограничение, вытекающее из необходимости уважения прав других участников процесса и задач правосудия (что согласуется с конституционным смыслом «антиабузных» процессуальных фильтров).

Ожидаемое влияние на правоприменение видится в повышении предсказуемости и единообразия судебной практики: суд получает четко сформулированный нормативный инструментарий для пресечения процессуальных манипуляций, а участники процесса – ясное понимание неизбежности негативных последствий при недобросовестном поведении. В результате укрепляются принципы справедливости и процессуальной экономии: снижается вероятность искусственного затягивания разбирательств, уменьшается нагрузка на суды за счет «фильтрации» злоупотребительных моделей поведения, а добросовестные участники получают более эффективную судебную защиту в разумные сроки.

В-четвертых, для устранения выявленной правовой патологии чрезмерного процессуального формализма на стадии принятия исковых (административных исковых) заявлений, приводящего к оставлению без движения и возвращению заявлений по основаниям, не связанным с невозможностью определить существо спора, предлагается внести точечные изменения в процессуальные кодексы, ориентирующие суд на рассмотрение

дела по существу и минимизацию «процессуальных потерь» на стадии возбуждения производства.

Предлагается дополнить ст. 136 ГПК РФ новой 4 частью следующего содержания: «4. Оставление искового заявления без движения допускается лишь при наличии недостатков, которые препятствуют возбуждению гражданского дела и не могут быть устранены в ходе подготовки дела к судебному разбирательству. Не допускается оставление искового заявления без движения (а равно последующее возвращение заявления по основанию неустранения таких недостатков), если указанные судом обстоятельства связаны с неполнотой изложения истцом фактических обстоятельств либо с недостаточностью представленных доказательств при условии, что из заявления возможно определить стороны и содержание заявленного требования». Для АПК РФ аналогичный смысл уже закреплён в разъяснениях Пленума ВС РФ, поэтому предлагается перенести стандарт в ГПК РФ.

Предлагается дополнить ст. 132 ГПК РФ абзацем после перечня приложений следующего содержания: «Судья не вправе требовать представления документов, не указанных в настоящей статье или в иных федеральных законах. К исковому заявлению, поданному гражданином лично, не прилагается копия документа, удостоверяющего личность». В свою очередь п. 6 ст. 132 ГПК РФ изложить в следующей редакции: «6) уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов, которые у других лиц отсутствуют; в случае подачи искового заявления в электронном виде посредством официальной информационной системы суда – подтверждение, сформированное указанной системой, о направлении (предоставлении доступа) другим лицам к таким документам». Так будет «снят» барьер при электронной подаче именно на уровне закона, потому что в действующей редакции обязанность направления закреплена и для электронной подачи.

Предлагается дополнить ст. 128 АПК РФ новой частью 5, изложив её следующим образом: «Оставление искового заявления без движения не допускается по основаниям, связанным с неполнотой изложения обстоятельств, на которых основаны требования, либо недостаточностью представленных доказательств, если из заявления возможно определить содержание требований и их правовую природу». Видится необходимость и в уточнении пункта 1 части 1 статьи 126 АПК РФ по аналогии с ГПК РФ: признать подтверждение из официальной системы судов достаточным подтверждением направления при электронной подаче. А пункт 9 части 1 статьи 126 АПК РФ – смягчить (сохранить возможность приложения выписки, но добавить альтернативу): «... либо сведения, полученные арбитражным судом из ЕГРЮЛ (ЕГРИП) в порядке межведомственного взаимодействия (при наличии указания истцом (ОГРН, ОГРНИП, ИНН) соответствующего лица)».

Также предлагается дополнить статью 130 КАС РФ новой частью по модели «существенности» недостатков и запрета «формализма ради формализма»: «Оставление административного искового заявления без движения допускается лишь при наличии недостатков, препятствующих возбуждению административного дела. Не допускается оставление заявления без движения по мотивам неполноты изложения обстоятельств либо недостаточности представленных доказательств...».

Видится, что реализация указанных поправок позволит сократить число определений об оставлении заявлений без движения и их возврате по малозначительным причинам; снизит нагрузку на аппарат суда (за счет уменьшения «круга» повторных подач), ускорится возбуждение производств и будет обеспечен более единообразный стандарт доступа к суду независимо от того, подается ли иск на бумаге или через электронный сервис.

В-пятых, для устранения выявленной правовой патологии процессуального неравенства и асимметрии стимулов в спорах с участием государственных органов и иных публичных субъектов (ресурсное превосходство, затягивание рассмотрения и исполнения, фактические

привилегии при обеспечительных мерах, извлечение выгоды из собственного незаконного поведения) предлагается комплекс мер, направленных на балансировку процедурных возможностей сторон и повышение ответственности публичных субъектов за добросовестное осуществление процессуальных прав.

1. С целью недопущения извлечения публичным истцом выгоды из собственного незаконного поведения предлагается дополнить ст. 45 КАС РФ новой частью 7.1 следующего содержания: «7.1. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные органы, организации и должностные лица, наделённые государственными или иными публичными полномочиями, не вправе обращаться в суд в качестве административного истца (заявителя) либо поддерживать заявленные требования, если такие требования направлены на извлечение преимуществ из обстоятельств, возникших вследствие признанных вступившим в законную силу судебным актом незаконных решений, действий (бездействия) соответствующего публичного субъекта. Такое обращение (поддержание требований) признаётся злоупотреблением процессуальными правами и влечёт последствия, предусмотренные настоящим Кодексом». Данная формулировка опирается на уже действующую в КАС РФ модель: обязанность добросовестного пользования процессуальными правами и последствия недобросовестного заявления неосновательного административного иска (злоупотребления) закреплены в статье 45.

2. На практике публичный статус административного ответчика иногда воспринимается судами как самостоятельный аргумент против применения мер предварительной защиты. Для устранения такой «скрытой» привилегии предлагается дополнить статью 85 КАС РФ частью 4.1 следующего содержания: «4.1. Сам по себе публичный характер административного ответчика (ответчика), в том числе осуществление им государственных или иных публичных полномочий, не является основанием для отказа в применении мер предварительной защиты. При заявлении возражений против применения

мер предварительной защиты административный ответчик обязан указать конкретные публичные интересы, которым может быть причинён существенный вред, и обосновать причинно-следственную связь между принятием соответствующей меры и наступлением такого вреда. Суд оценивает доводы административного ответчика с учётом принципа соразмерности и подбирает меру, минимально необходимую для эффективной защиты прав административного истца». Предлагаемая норма не «ломает» действующую конструкцию статьи 85 КАС РФ, а задаёт стандарт мотивирования и перераспределяет процессуальную инициативу: если публичный ответчик ссылается на публичный интерес – он обязан его конкретизировать.

Системно аналогичный подход может быть отражён и в арбитражном процессе (в первую очередь для дел по главе 24 АПК РФ) через уточнение практико-ориентированного правила в логике статьи 90 АПК РФ о целях и основаниях обеспечительных мер.

3. В административном судопроизводстве решения, как правило, исполняются после вступления в законную силу, а механизмы немедленного исполнения и приостановления исполнительного производства могут использоваться публичными должниками для затягивания восстановления прав, особенно по социально значимым спорам. В целях балансировки предлагается: сделать установление судом срока исполнения обязательным по делам, где на публичного ответчика возложена обязанность совершить действия (назначить, пересчитать, выплатить), с обязанностью подтвердить исполнение (поправка к ст. 187 КАС РФ); ввести «точечное» немедленное исполнение по решениям о пенсиях и иных периодических социальных выплатах – в пределах суммы за период до трёх месяцев (дополнение ст. 188 КАС РФ); ограничить приостановление исполнительного производства по таким социальным спорам по заявлениям публичных должников, допуская исключения лишь при риске существенного вреда публичным интересам (поправка к ст. 39 Закона № 229-ФЗ). Дополнительно предлагаемые изменения повышают предсказуемость применения судебных штрафов за неисполнение (ст. 363.1 КАС РФ), усиливая

связку «срок – контроль – ответственность» и в целом выравнивая процессуальные возможности сторон.

В-шестых, для устранения выявленной правовой патологии фактической невозможности обращения в суд при неизвестности места жительства (места пребывания) ответчика, особенно в условиях дистанционных правоотношений, предлагается внести адресные изменения в ГПК РФ, обеспечивающие запуск процесса даже при «адресном вакууме» и исключающие формальные препятствия на стадии принятия иска.

1. Предлагается дополнить ст. 29 ГПК РФ резервным правилом территориальной подсудности, предоставив истцу право предъявить иск по месту своего жительства (для организаций – по месту нахождения), если невозможно определить подсудность по ч. 1 ст. 29 ГПК РФ из-за отсутствия сведений о последнем известном месте жительства ответчика и месте нахождения его имущества. Такая модель должна иметь характер «последнего средства» и применяться только при указании истцом известных данных, позволяющих идентифицировать ответчика, и при заявлении ходатайства об истребовании судом сведений о его месте жительства (пребывания). Предлагается ст. 29 ГПК РФ дополнить частью 1.1 следующего содержания: «1.1. Если истцу неизвестны место жительства или место пребывания ответчика, его последнее известное место жительства в Российской Федерации и место нахождения его имущества, иск может быть предъявлен: гражданином – в суд по месту его жительства или месту пребывания; организацией – в суд по месту ее нахождения. В исковом заявлении истец указывает известные ему сведения, позволяющие идентифицировать ответчика, и вправе заявить ходатайство об истребовании судом сведений о месте жительства (месте пребывания) ответчика».

2. Предлагается уточнить п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, закрепив, что неизвестность места жительства (места пребывания) ответчика не препятствует подаче иска: истец вправе указать это обстоятельство в исковом заявлении, а суд – по заявленному ходатайству – направляет запросы в компетентные

органы (по логике уже действующего в ГПК РФ механизма получения недостающих данных об ответчике по запросу суда). Предлагается в п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ после абзаца о случаях неизвестности даты, места рождения и идентификаторов добавить абзац: «В случае, если истцу неизвестны место жительства или место пребывания ответчика, об этом указывается в исковом заявлении. По ходатайству истца судья направляет запросы в компетентные органы и организации для получения сведений о месте жительства (месте пребывания) ответчика, необходимых для его извещения и направления ему копий процессуальных документов».

3. Предлагается скорректировать п. 6 ст. 132 ГПК РФ, установив исключение из обязанности предварительного направления копий документов ответчику: при неизвестности адреса ответчика доказательства направления не требуются, а истец представляет копии документов в суд для последующего направления после установления адреса. Предлагается п. 6 статьи 132 ГПК РФ дополнить абзацем следующего содержания: «В случае, если в исковом заявлении указано, что место жительства или место пребывания ответчика истцу неизвестно, документы, подтверждающие направление ответчику копии искового заявления и приложенных к нему документов, не представляются. Истец прилагает к исковому заявлению копии указанных документов для направления ответчику судом после установления его адреса».

Предлагаемая конструкция сохраняет баланс процессуальных прав: с одной стороны, она предотвращает отказ в доступе к правосудию по причинам, не зависящим от истца, и устраняет основания для формального «фильтра» в виде оставления заявления без движения; с другой стороны – не лишает ответчика гарантий, поскольку при установлении его места жительства после возбуждения дела сохраняется предусмотренная ГПК РФ возможность передачи дела по подсудности по ходатайству ответчика (п. 1 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ).

В-седьмых, для устранения выявленной правовой патологии неопределенности процессуального статуса электронных доказательств и

неоднородности подходов к их проверке предлагается унифицировать регулирование в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ путем введения специальных норм об электронных доказательствах и закреплении минимальных стандартов их представления и исследования.

Предлагается дополнить ГПК РФ новой статьей 55.1 (Доказательства, полученные в электронной форме (электронные доказательства) следующего содержания:

1. Доказательствами, полученными в электронной форме (электронными доказательствами), признаются сведения о фактах, имеющих значение для дела, зафиксированные в электронной (цифровой) форме, в том числе электронные документы и электронные образы документов, электронные сообщения (переписка), аудио-, фото- и видеозаписи в цифровой форме, сведения из информационных систем и баз данных, файлы регистрации событий (лог-файлы), иные цифровые данные.

2. Электронные доказательства могут представляться в суд: в виде электронных файлов (данных), направляемых через официальные информационные системы подачи документов либо иным способом, предусмотренным законом; на материальном носителе; в виде копий на бумажном носителе – при невозможности или затруднительности представления в электронном виде, с указанием сведений, позволяющих идентифицировать источник и условия формирования доказательства (при наличии таких сведений).

3. Лицо, представляющее электронное доказательство, обязано обеспечить возможность его исследования судом и другими лицами, участвующими в деле. При оспаривании подлинности (достоверности) электронного доказательства суд вправе предложить представить оригинальные электронные данные (файл), метаданные, сведения о средствах формирования и хранения, а также иные сведения, необходимые для проверки источника происхождения и неизменности содержания.

4. Электронный документ, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, презюмируется исходящим от лица, указанного в сертификате ключа проверки электронной подписи, и неизменным после подписания, если не доказано иное.

5. Если электронное доказательство размещено в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо иной информационной системе, суд вправе произвести его осмотр и фиксацию с составлением протокола и приложением материалов фиксации (электронных копий, скриншотов, видеозаписи), а также назначить экспертизу или привлечь специалиста; осмотр производится по правилам статьи 58 настоящего Кодекса».

Адаптация для АПК РФ (предлагается ввести аналогичную ст. 64.1) и КАС РФ (предлагается ввести аналогичную ст. 59.1) предлагается по той же модели, заменив «суд» на «арбитражный суд» и «суд» (КАС), и указав ссылку на «осмотр по месту нахождения» по соответствующим статьям (в АПК РФ – ст. 78; в КАС РФ – ст. 74). Здесь отметим, что фиксация электронного следа в реальности многоканальна (переписка, данные сайтов, записи камер, логи сервисов), и чрезмерно жесткое требование «только УКЭП или нотариус» искусственно исключит из доказательственного оборота значимый массив цифровой информации, хотя ее подлинность может подтверждаться иными средствами (метаданными, логами, экспертным исследованием, судебным осмотром).

Предлагается дополнить статьи о веб-конференции (ГПК РФ ст. 155.2; АПК РФ ст. 153.2; КАС РФ ст. 142.1), а именно после положения об установлении личности через ЕСИА (ЕБС) дополнить фразой следующего содержания: «Сведения (электронные данные), сформированные информационной системой в результате идентификации и аутентификации участника судебного заседания, подлежат приобщению к протоколу судебного заседания (либо к материалам дела)».

В нормы о подаче документов в электронном виде (ГПК РФ ч. 1.1 ст. 3; АПК РФ ч. 7 ст. 4; в КАС РФ целесообразно дополнить ст. 45 новой частью 2.4) – закрепить правило о процессуальной силе системных подтверждений (квитанций, протоколов приема): «Подтверждение (квитанция, протокол), автоматически формируемое официальной информационной системой при направлении документа в суд, приобщается к материалам дела и подтверждает дату и время подачи документа, а также факт его направления конкретным пользователем, прошедшим идентификацию в установленном порядке».

Реализация предложенных поправок обеспечит единообразное признание электронных материалов допустимыми доказательствами, снизит формалистические отказы из-за отсутствия «специального заверения» за счёт смещения акцента с формы на проверяемость источника и целостности данных, а также повысит предсказуемость доказывания (понятные минимальные требования и алгоритм проверки при оспаривании). Фиксация цифровой идентификации и электронных подтверждений подачи укрепит доверие к дистанционным процедурам и сократит споры о времени и субъекте подачи. В целом меры повысят эффективность электронного доказывания, уменьшат издержки участников и стабилизируют практику правоприменения.

Таким образом, предложенные меры по совершенствованию института иска адресуют ключевые патологии, выявленные в период правовых и государственных трансформаций, и при комплексной реализации (поправки в кодексы и разъяснения Верховного Суда РФ) способны повысить эффективность и справедливость судебной защиты. Цифровизация не меняет сущности иска, но трансформирует способы его реализации, одновременно усиливая риски технологической зависимости, цифрового неравенства и неоднородности практики. Это подтверждает необходимость точечной настройки процессуальных гарантий, направленной на укрепление понятийной определённости иска, снижение барьеров доступа к суду, развитие «антибузных» механизмов и унификацию работы с электронными доказательствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт иска в современной российской правовой системе сохраняет значение базового, «универсального» процессуального средства судебной защиты, через которое реализуется конституционное право на судебную защиту и обеспечивается правовая стабильность в обществе. В условиях правовых и государственных трансформаций (обновления законодательства, усложнения экономических и публично-правовых отношений, цифровизации судопроизводства) именно иск выступает той юридической формой, которая переводит социальный конфликт в пространство правового спора, задаёт его границы и обеспечивает возможность вынесения судом решения по существу. При этом трансформации не отменяют сущности иска как формы судебной защиты, но изменяют способы его реализации, повышают требования к процессуальной «технологичности» и одновременно обнажают теоретические и практические деформации, требующие научного анализа и корректировки правоприменения. Проведённый историко-правовой анализ показал преемственность базовой идеи иска, восходящей к римскому пониманию «actio» как права лица добиваться судебного осуществления притязания. Эволюция европейских моделей и российский путь развития подтверждают, что менялись формы и доктринальные акценты, но сохранялась основная функция иска: юридически организовать спор и обеспечить его разрешение судом по установленной процедуре. Это позволяет утверждать, что устойчивость иска как института объясняется не «инерцией традиции», а его системообразующей ролью в механизме правовой защиты.

Гносеологический и онтологический анализ позволил раскрыть ценностную природу иска как связующего звена между правом и правосудием: иск не сводится к одному лишь документу или процессуальному действию, а выражает юридически оформленное притязание, которое влечёт возникновение процессуального правоотношения и запускает механизм судебной защиты. Гносеологический аспект показал неизбежность доктринального плюрализма в определении иска (материально-правовое, процессуальное понимание, двух- и

трёхэлементные концепции и т.п.), а онтологический – устойчивость институционального ядра иска, сохраняющегося независимо от смены правовых парадигм. Сформулированный вывод принципиален: именно сочетание устойчивости (ядра) и гибкости (форм) объясняет жизнеспособность иска в эпохи реформ и модернизации.

Правоприменительный анализ подтвердил, что иск выполняет не только частноправовую, но и публично-правовую функцию, участвуя в защите публичных интересов и государственно-правового пространства. В российской модели существенную роль играют прокурор и иные уполномоченные субъекты, обращающиеся в суд для охраны неопределённого круга лиц, интересов Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований. Продемонстрировано, что в подобных делах особенно возрастает значимость корректного определения процессуального статуса участников и соблюдения процессуальной формы, поскольку любая подмена надлежащего субъекта или «смещение» материального и процессуального интереса способно привести к процессуальным дефектам и отмене судебных актов. В этой части иск выступает не только механизмом защиты субъективного права, но и способом поддержания законности и правопорядка.

Отдельным результатом исследования является вывод о прикладной значимости элементного состава иска. Корректное выделение сторон, предмета и основания обеспечивает: определённость предмета судебного разбирательства; предсказуемость правовой квалификации; правильное применение институтов тождества, изменения иска и пределов судебного рассмотрения; процессуальную экономию и устойчивость судебного решения. При этом выявлено, что отсутствие легального определения иска и его элементов в действующих процессуальных кодексах провоцирует терминологическую неоднородность и избыточные споры «о форме вместо существа», что особенно болезненно проявляется в периоды реформ.

Анализ цифровизации правосудия показал двойственный эффект её влияния на институт иска. С одной стороны, электронная подача

процессуальных документов, дистанционные форматы участия и развитие электронного документооборота объективно повышают доступность судебной защиты и ускоряют инициирование процесса. С другой стороны, зависимость правосудия от информационных систем формирует новые риски: технологические сбои и киберинциденты, цифровое неравенство, неоднородность подходов к электронным доказательствам, сложности фиксации и доказывания электронных процессуальных действий. В результате «технический контур» становится частью реального механизма реализации права на иск, а значит – должен быть обеспечен процессуальными гарантиями не хуже, чем классический «бумажный» контур.

В работе выявлен комплекс правовых «патологий» института иска, характерных для современных трансформаций: (1) теоретическая и нормативная неопределённость понятия иска и права на иск; (2) неоднозначность критериев юридической заинтересованности и процессуальной легитимации, особенно при защите чужих и публичных интересов; (3) злоупотребления правом на иск и процессуальными правами (серийность обращений, искусственное дробление требований, встречные иски как инструмент затягивания, иные манипуляции); (4) формализм на стадии возбуждения дела (оставление без движения, возврат по малозначительным причинам), фактически ограничивающий доступ к правосудию; (5) процессуальная асимметрия в спорах с публичной властью (ресурсное превосходство, затягивание рассмотрения и исполнения, «скрытые» привилегии при обеспечительных мерах); (6) пробелы, связанные с невозможностью обращения в суд при «адресном вакууме» относительно ответчика; (7) неоднородность практики в обращении с электронными доказательствами и цифровыми следами процессуальных действий. Установлено, что перечисленные проблемы имеют системный характер и требуют комплексных, взаимосвязанных решений – от нормотворчества до единообразных разъяснений и организационных мер.

Ключевые предложения по совершенствованию института иска,

сформулированные по итогам исследования, образуют целостный механизм правового обновления. В целях недопущения дублирования нормативного материала в заключении приводятся лишь основные направления и ожидаемые эффекты предлагаемых мер, тогда как конкретные проектные формулировки изменений изложены по тексту пункте 3.3 настоящего исследования.

С целью решения проблемы отсутствия легального определения иска и его элементов обоснована необходимость внесения дефинитивных изменений в процессуальные кодексы: закрепления унифицированного понятия иска (административного иска) и его элементного состава (стороны, предмет, основание) в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ – с адаптацией терминологии под специфику соответствующего судопроизводства. Это позволит унифицировать подходы к тождественности требований, изменямости иска и пределам судебного разбирательства, а также снизить риск подмены рассмотрения по существу спором о понятиях.

С целью противодействия злоупотреблению правом на иск и процессуальными правами предложен комплекс антиабузных мер: усиление запрета злоупотребления в ГПК РФ по модели АПК РФ и КАС РФ; введение более «осязаемых» последствий злоупотребления через перераспределение судебных расходов; нормативная связка между искусственным дроблением требований и оценкой поведения истца как злоупотребления; уточнение правил о встречном иске (своевременность, возвращение при отсутствии условий принятия) и развитие разъяснительной практики Верховного Суда РФ по признакам злоупотреблений и последствиям. Реализация этих мер повышает процессуальную экономию и защищает добросовестных участников процесса.

С целью балансировки процессуальных возможностей сторон в спорах с публичной властью предложены меры, ориентированные на реальное равенство в административном судопроизводстве: запрет извлечения публичным субъектом выгод из последствий ранее установленного незаконного поведения; закрепление стандарта мотивирования «публичного интереса» при возражениях против мер предварительной защиты; усиление исполнимости судебных актов

по социально значимым спорам за счёт установления сроков исполнения, элементов немедленного исполнения по отдельным категориям требований и ограничения приостановления исполнения по заявлениям публичных должников при отсутствии исключительных обстоятельств.

С целью преодоления формализма на стадии принятия исковых заявлений предложено закрепить критерий «существенности» недостатков, при котором оставление заявления без движения допустимо лишь тогда, когда дефекты реально препятствуют возбуждению дела; запретить требование документов «сверх закона»; уточнить правила направления копий документов при электронной подаче (с признанием системного подтверждения достаточным при наличии технической возможности направления через официальную систему). Данные меры ориентируют суд на рассмотрение дела по существу и снижают «процессуальные потери» заявителей.

С целью унификации обращения с электронными доказательствами и цифровым следом процессуальных действий предложено ввести специальные нормы об электронных доказательствах в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ: закрепить дефиницию электронных доказательств, способы представления, механизмы проверки подлинности (включая роль метаданных, лог-данных, осмотра и экспертизы), а также процессуальную фиксацию системных подтверждений подачи документов и данных идентификации при дистанционном участии. Это позволяет перевести проблему «допустимости» в плоскость «проверяемости» и обеспечить единообразие практики.

С целью устранения пробела при невозможности определить подсудность из-за отсутствия сведений об адресе ответчика предложены адресные изменения в ГПК РФ: введение резервного правила территориальной подсудности как «последнего средства»; процессуальный механизм истребования судом сведений о месте жительства (пребывания) ответчика; исключение обязанности предварительного направления копий документов при объективной невозможности исполнения этой обязанности. Эти предложения направлены на то, чтобы право на иск не становилось фикцией в условиях

цифровых и дистанционных правоотношений.

Таким образом, цель исследования – комплексный анализ института иска как универсального процессуального средства защиты предпринимателей в период правовых и государственных трансформаций и выработка научно обоснованных предложений по повышению эффективности исковой формы защиты достигнута. Решены поставленные задачи, подтверждена исходная гипотеза о том, что иск обладает внутренней гибкостью и универсальностью, достаточной для обеспечения эффективной судебной защиты в условиях реформ, однако эта универсальность требует своевременной доктринальной и нормативной «настройки», а также единообразного правоприменения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно правовые акты

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020; с учетом поправок, внесенных законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

2. Российская Федерация. Законы. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 №1-ФКЗ [принят Государственной Думой 23 октября 1996 года; одобрен Советом Федерации 26 декабря 1996 года]. – URL: <https://base.garant.ru/10135300/> (дата обращения: 15.01.2026).

3. Российская Федерация. Законы. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ [принят Государственной Думой 23 ноября 2012 года; одобрен Советом Федерации 28 ноября 2012 года]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-03122012-n-230-fz-o/> (дата обращения: 15.01.2026).

4. Российская Федерация. Законы. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 [Принят Президентом Российской Федерации 17 января 1992 года]. – URL: <https://sudact.ru/law/zakon-rf-ot-17011992-n-2202-1-o/> (дата обращения: 15.01.2026).

5. Российская Федерация. Законы. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ [принят Государственной Думой 25 марта 2011 года; одобрен Советом Федерации 30 марта 2011 года]. // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

Учебники, учебные пособия

6. Гражданский процесс: учебник для студентов юридических высших учебных заведений / Уральский гос. юрид. ун-т; отв. ред. д-р юрид. наук, проф.

В. В. Ярков. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2021. – 721 с. – ISBN 978-5-8354-1705-6.

7. **Гордон, В.М.** Основание иска в составе изменения исковых требований / В.М. Гордон. – Ярославль: тип. Губ. правл., 1902. – XVIII, 316 – с. 26.

8. Гражданский процесс: Учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова; под ред. М.К. Треушникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2014. – 960 с. – ISBN 978-5-8354-0950-1.

9. Иск в гражданском судопроизводстве: учебник для вузов / О. В. Исаенкова, О. В. Николайченко, Т. В. Соловьева, Н. Н. Ткачева; под редакцией О. В. Исаенковой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 208 с. – ISBN 978-5-534-15723-9.

10. **Кавелин, К. Д.** Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства, в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях / К. Д. Кавелин. – Санкт-Петербург: Лань, 2014. – 185 с. – ISBN 978-5-507-39696-2.

11. **Курылёв, С. В.** Избранные труды / под ред. Ю. В. Олешкевича (сборник). – Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. – 607 с.

12. **Осокина, Г. Л.** Гражданский процесс. Общая часть: учебник / Г. Л. Осокина. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 703 с. – ISBN 978-5-91768-323-2.

13. **Юдельсон, К.С.** Советский гражданский процесс: учебник для юрид. вузов / Проф. К. С. Юдельсон. – Москва: Госюриздат, 1956. – 439 с.

Монографии

14. **Смагина, Е. С.** Участие государства в современном цивилистическом процессе: монография / Е. С. Смагина. – Москва: СТАТУТ, 2021. – 268 с. – ISBN 978-5-8354-1729-2.

Диссертации, авторефераты диссертаций

15. **Добровольский, А. А.** Некоторые вопросы исковой формы защиты права: юридический факультет: автореферат диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Добровольский Аркадий Александрович; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1966. – 52 с.

16. **Ченцов, Н. В.** Защита государственных интересов в гражданском судопроизводстве: специальность 12.00.3 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореферат диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ченцов Николай Васильевич. – Москва, 1990. – 25 с.

Статьи из журналов

17. **Глуховская, Е. О.** Проблемы института права на иск в гражданском процессе современной России / Е. О. Глуховская // Молодой ученый. – 2025. – № 28 (579). – С. 130-133.

18. **Говердовская, В. А.** История возникновения института иска / В. А. Говердовская // Право и суд в современном мире. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2023. – С. 37-40.

19. **Гордейко, М. А.** Судебная власть и организация судопроизводства в ФРГ / М.А. Гордейко, А. Р. Швандерова // Инновационная наука. 2017. – №4 – С. 49-52.

20. **Гурвич, М. А.** Очерк истории понятия права на иск / М. А. Гурвич // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2016. – №9 (25). – С.109-133.

21. **Даудов, М. А.** Практические и теоретические проблемы изменения предмета и основания иска / М. А. Даудов // Научные исследования как основа инновационного развития общества. – 2021. – С. 165-167.

22. **Зюзина, Е. М.** Институт гражданского иска: история и современность / Е. М. Зюзина // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты. – Новосибирск-Симферопль: Новосибирский государственный технический университет, 2017. – С. 88-94.

23. **Каширский, А. Д.** История становления гражданского иска / А. Д. Каширский / А. Д. Каширский // Общество – Наука – Инновации. – Оренбург: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2019. – С. 148-150.

24. **Михайлова, Б. С.** Определение предмета и основания иска по делам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, как условие эффективной защиты нарушенного права / Б. С. Михайлова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2025. – №. 1 (162). – С. 200-206.

25. **Мурзагалиева, Ж. Н.** Проблемы права на иск в современном гражданском процессе / Ж. Н. Мурзагалиева // Гуманитарные и правовые проблемы современной России. – Новосибирск: Издательский центр Новосибирского государственного аграрного университета «Золотой колос», 2022. – С. 188-190.

26. **Нефедьев, Е. А.** Учение об иске / Е. А. Нефедьев // Ученые записки Казанского университета. – 1895. – № 2. – С. 78-85.

27. **Носова, Ю. Б.** Обзор судебной статистики рассмотрения административных дел судами общей юрисдикции за 2021 год / Ю. Б. Носова // Журнал административного судопроизводства. – 2022. – № 3. – С. 164-169.

28. **Попова, А. С.** Проблемы реализации института гражданского иска в уголовном судопроизводстве / А. С. Попова // Редакционная коллегия. – 2021. – №12. – С. 35-39.

29. **Султанов, А. Р.** Зачем превращать картель в гражданско-правовую сделку? / А. Р. Султанов // Российская юстиция. – 2025. – № 2. – С. 30-37.

30. **Усталов, С. И.** История возникновения и развития исковой формы защиты в Российском законодательстве / С. И. Усталов // Аспирант. – 2022. – № 2(70). – С. 106-109.

31. **Шевченко, К. А.** Иск как универсальное средство защиты гражданских прав / К. А. Шевченко // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Том Часть 3. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2021. – С. 533-

536.

32. **Филонова, О. И.** Развитие судопроизводства в период нэпа: историко-правовой опыт / О. И. Филонова // Российское правосудие. – 2019. – № 6. – С. 57-64.

Материалы конференций

33. **Каширский, А. Д.** История становления гражданского иска / Общество – наука – инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Оренбург, 2019. – 260 с.

Правоприменительная практика

34. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», пункта 5 статьи 4 Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» и пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.И. Коровицкой»: Постановление Конституционного Суда РФ от 04.07.2022 № 27-П – URL: <https://clck.ru/CqCue> (дата обращения: 15.01.2026).

35. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 // Легалакт – URL: <https://goo.su/2zc081T> (дата обращения: 15.01.2026).

36. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

37. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 09.12.2025) // КонсультантПлюс: [Сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257 (дата обращения: 15.01.2026).

38. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Романенко Дарьи Сергеевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также частью 1 статьи 4, частью 3 статьи 16, статьей 17 и частью 2 статьи 18 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 № 1163-О // Легалакт: [Сайт]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-03122012-n-230-fz-o/> (дата обращения: 15.01.2026).

39. По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П // Легалакт: [Сайт]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29112016-n-26-p/> (дата обращения: 15.01.2026).

40. Обзор судебной практики, связанной с мобилизацией и специальной военной операцией 2022-2024 (подготовлено экспертами компании «Гарант») // Гарант: [Сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/77191159/> (дата обращения: 15.01.2026).

41. Обзор судебной практики, связанной с привлечением к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) (ред. от 19.11.2025) // КонсультантПлюс: [Сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504015/ (дата обращения: 15.01.2026).

42. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2021 г. по делу № А84-4688/2020 // СудАкт: [Сайт]. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/mEVYTFOja2WU/> (дата обращения: 15.01.2026).

43. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2020 г. по делу № А40-87194/2019 // СудАкт: [Сайт]. – URL: [//sudact.ru/vsrf/doc/KqVeQXIdwEYF/](https://sudact.ru/vsrf/doc/KqVeQXIdwEYF/) (дата обращения: 15.01.2026).

44. Определение Верховного Суда РФ от 05.09.2023 № 303-ЭС23-15671 по делу № А73-15422/2022 // Легалакт: [Сайт]. – URL: <https://clck.su/gvVTC> (дата обращения: 15.01.2026).

45. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 ноября 2022 г. № 50-КГ22-4-К8 Гарант: [Сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405807197/> (дата обращения: 15.01.2026).

46. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 декабря 2013 г. № 4-КГ13-32 // Гарант: [Сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70451110/> (дата обращения: 15.01.2026).

47. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2024 № 18-КГ24-201-К4 // Легалакт: [Сайт]. – URL: <https://goo.su/yyLP5> (дата обращения: 15.01.2026)

48. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2022 № 78-КГ22-12-К3 // Легалакт: [Сайт]. – URL: <https://goo.su/Bvgqrg> (дата обращения: 15.01.2026)

49. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2024 № 18-КГ24-126-К4 // Легалакт: [Сайт]. – URL: <https://goo.su/Dzgvp> (дата обращения: 15.01.2026)

50. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.01.2018 № 18-КГ17-236 // Легалакт: [Сайт]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22012018-n-18-kg17-236/> (дата обращения: 15.01.2026).

51. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 12 февраля 2021 г. по делу № А33-27273/2020 // [Электронный ресурс]. URL: https://ohranatruda.ru/upload/medialibrary/1a2/A33_27273_2020.pdf (дата

обращения: 15.01.2026).

52. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.08.2025 № 33-30677/2025 // КонсультантПлюс – URL: <https://goo.su/ka0I> (дата обращения: 15.01.2026).

Электронные ресурсы

53. Антикоррупционные иски прокуратуры: прокурорская и судебная практика и советы по защите – URL: <https://clck.su/VWuxz> (дата обращения: 15.01.2026).

54. ВС разъяснил, когда нельзя изменить исковые требования // ПравоРУ [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/240163/> (дата обращения: 15.01.2026).

55. **Захарова, М. В.** Организация органов правосудия во Франции: исторические опыты и современное состояние / М. В. Захарова // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 15.01.2026).

56. Злоупотребление правом при восстановлении на работе // КонсультантПлюс – URL: <https://goo.su/OsjUz> (дата обращения: 15.01.2026).

57. Материалы пленарного заседания Совета судей Российской Федерации // Совет судей Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrf.ru/news/lienta-novostiei/60492> (дата обращения: 15.01.2026).

58. Материалы по результатам научно-практической конференции «Цифровизация правосудия: проблемы и перспективы» // [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/a5c86> (дата обращения: 15.01.2026).

59. **Милосердов, Н. А.** Роль арбитражных судов в защите публичных интересов / Н. А. милосердов // Арбитражный и гражданский процесс – № 10. – 2025 – URL: <https://lawinfo.ru/articles/11588/rol-arbitraznyx-sudov-v-zashhite-publicnyx-interesov> (дата обращения: 15.01.2026).

60. Подача электронных документов в суд: ВС РФ разъясняет // Делопресс – URL: <https://goo.su/W4SNTm4> (дата обращения: 15.01.2026).

61. Подведены итоги работы судов в 2022 году // Делопресс – URL:

<https://delo-press.ru/news/62999-podvedeny-itogi-raboty-sudov-v-2022-godu/>(дата обращения: 15.01.2026).

62. Поломка ГАС «Правосудие»: что делать сейчас и как восстановить сроки потом // ПравоРУ – URL: <https://pravo.ru/story/255626/> (дата обращения: 15.01.2026).

63. Прокурорские иски: кто материальный истец? / PG Partners – URL: <https://goo.su/6OhytX> (дата обращения: 15.01.2026).

64. Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном суде РФ – URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 15.01.2026).

65. **Титова, И. А.** Правовое регулирование распределения дел в судах: содержание, реализация, проблемы и направления совершенствования / И. А. Титова // Право и политика. – 2022. – №7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-raspredeleniya> (дата обращения: 15.01.2026).

66. **Тюнина, И. И.** Конституционно-правовой статус прокуратуры в России и зарубежных странах / И. И. Тюнина // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2021. – №4 (47). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoy> (дата обращения: 15.01.2026).

67. **Черникова, Е. В.** Право на иск: проблемы и пути решения / Е. В. Черникова // Отечественная юриспруденция. – 2019. – №3 (35). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-isk-problemy-i-puti-resheniya> (дата обращения: 15.01.2026).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица. Научные подходы к определению элементов иска в гражданском процессе

Элемент / вопрос	Позиция 1 (классическая)	Позиция 2 (альтернативная)	Оценка и значение для правоприменения
Состав элементов иска	Иск состоит из трёх элементов: предмет, основание, стороны (Г.Л. Осокина; К.И. Комиссаров).	Предлагается расширение состава элементов иска (включение содержания иска, правового требования, способа защиты и др.) (М.А. Гурвич; А.Ф. Клейнман; П.А. Иевлев; М.С. Шакарян; М.А. Рожкова)	Судебная практика устойчиво исходит из триады элементов. Расширительные концепции имеют теоретическое значение, но не получили прямого нормативного закрепления.
Предмет иска	Материально-правовое требование истца к ответчику (взыскание, признание, преобразование) (Е.В. Васьковский; М.К. Треушников; М.А. Вкут; И.В. Решетникова)	Предмет иска трактуется как требование к суду о применении конкретного способа защиты (Г.Л. Осокина)	В практике суды используют первую модель, поскольку она позволяет чётко определить пределы рассмотрения дела и запрет выхода за рамки заявленных требований.
Основание иска	Основание иска – исключительно совокупность юридических фактов (фактическое основание), нормы права в основание не входят (Г.Л. Осокина; М.К. Треушников; М.А. Вкут; В.К. Пучинский).	Основание иска включает как фактические обстоятельства, так и правовое обоснование требований (А.А. Добровольский; В.М. Гордон)	Суды фактически применяют смешанный подход: требуют указания фактических обстоятельств, но допускают изменение правовой квалификации без признания иска новым.
Стороны иска	Стороны – истец и ответчик как субъекты спорного материального правоотношения (К.И. Комиссаров; Г.Л. Осокина; М.К. Треушников).	Допускается выделение процессуального интереса как самостоятельного элемента иска (М.А. Гурвич; М.С. Шакарян)	Для судов определяющим остаётся правильное определение ответчика; ошибки в субъектном составе влекут отказ в иске или прекращение производства.
Индивидуализация иска	Иск индивидуализируется совокупностью предмета, основания и сторон (Г.Л. Осокина; К.И. Комиссаров; М.К. Треушников)	Предлагается учитывать также способ защиты или правовую норму (А.А. Добровольский; В.М. Гордон)	Судебная практика придерживается критерия триады; изменение правовой нормы не образует новый иск.
Изменение иска	Изменение предмета или основания иска означает изменение самого иска (М.К. Треушников; Г.Л. Осокина; М.А. Вкут)	Изменение правовой квалификации не считается изменением основания иска (В.В. Ярков; И.В. Решетникова; М.А. Рожкова)	Данный подход закреплён в разъяснениях высших судов и широко применяется судами общей юрисдикции и арбитражными судами.